

Мирон Ветров

Цена обратной дороги

«Автор»

2026

Ветров М.

Цена обратной дороги / М. Ветров — «Автор», 2026

Сурдопереводчица Вера Ланская попадает с московского вокзала в разделённую империю, где дороги открываются только при совпадении голоса, жеста и личной печати. Придворный маг Севард хранит чужие печати и решает, кому позволено перевозить хлеб, лекарства и возвращаться к семье. Вера замечает подмену смысла — и становится опасной для порядка, построенного на чужом молчании. Вместе с глухим картографом Раном она ищет забытые малые двери и создаёт сеть переходов, которой не сможет владеть один человек. Но путь Веры на Землю имеет цену: каждый обратный переход стирает связь с одним выбором, сделанным в новом мире. Чтобы вернуться, ей, возможно, придётся забыть, почему она боролась и кого полюбила. Приключенческое фэнтези о свободе выбора, доступном языке и дороге домой, которая не должна принадлежать хранителю ключей.

© Ветров М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Дверь отвечает жестом	6
Глава 2. Переводчица без голоса	14
Глава 3. Печать на чужой руке	20
Глава 4. Город по эту сторону	28
Глава 5. Карта, которой нельзя верить	39
Глава 6. Три смысла приказа	47
Глава 7. Хлеб за закрытой дверью	54
Глава 8. Человек, который помнит проходы	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Мирон Ветров

Цена обратной дороги

От автора

Мы редко замечаем, сколько смысла передаём не словами. Поворот головы, движение руки, пауза перед согласием могут подтвердить сказанное или полностью его изменить. Эта история начинается в мире, где такое расхождение способно запереть дорогу между городами.

«Цена обратной дороги» — приключенческий роман о переводчице, которой предстоит сделать чужую власть видимой. Здесь переходы требуют не тайного заклинания, а совпадения голоса, жеста и личной ответственности. И всякая возможность вернуться ставит вопрос: останется ли возвращение твоим выбором, если ради него ты забудешь, почему выбрал людей рядом.

Это вымышленный мир и вымышленные жестовые языки. Глухота одного из героев не является проклятием или задачей для исправления. Гораздо опаснее оказывается привычка слышащих считать собственную речь единственной полной.

Пусть эта дорога будет о том, как точный перевод помогает не подчиняться, а договариваться — и почему ни один человек не должен хранить все ключи.

Глава 1. Дверь отвечает жестом

За секунду до того, как исчез вокзал, я смотрела не на табло и не на часы. Я смотрела на руки мужчины у стеклянной двери.

Он стоял по другую сторону зала ожидания, рядом с женщиной в синем пуховике, и говорил ей что-то злое. Голоса за объявлениями я не слышала, но его правая ладонь рубила воздух коротко и резко. Женщина отвечала жестами. Не на русском жестовом — скорее домашними знаками, придуманными за годы вдвоём. Она показывала на выход, на телефон, на себя. Он качал головой и держал палец у её лица.

Мне хотелось отвернуться. После ночного поезда болели глаза, лямка сумки врезалась в плечо, а через сорок минут начиналась пара по истории позднего Средневековья. Я опаздывала на неё уже третий раз за семестр. Но привычка переводчика сильнее вежливого желания не смотреть: я считывала разговор по движениям, хотя меня никто не просил.

Мужчина произнёс: «Хорошо». По губам это было видно совершенно ясно.

А рукой показал: «Замолчи».

Женщина отступила. Я сделала шаг к ним — и стеклянная дверь между нами вспыхнула белым.

Не электрическим разрядом, не солнечным бликом. Свет появился внутри стекла, тонкой вертикальной полосой, словно за прозрачной створкой внезапно рассвело. Мужчина и женщина исчезли. Пропали пластиковые кресла, кофейный автомат, серый снег за окнами. Под подошвой не стало пола.

Я падала недолго. Успела только стиснуть ремень сумки и вдохнуть пыль.

Колени ударились о гладкий камень. Ладони обожгло холодом. Где-то над головой раздался крик, потом ещё один, а следом металлический лязг — сразу десятки железных предметов столкнулись друг с другом.

Я подняла голову.

Передо мной высилась дверь, которой не могло быть ни на одном вокзале. Две створки из толстых полупрозрачных пластин уходили вверх этажа на три. Их удерживали тёмные каменные рёбра. В толще стекла плавали мутные полосы, похожие на замёрзшие молнии. За створками вместо соседнего помещения виднелось поле под низким жёлтым небом. Ветер пригибал сухую траву. Совсем близко стояли всадники в одинаковых серых плащах.

С моей стороны был круглый зал. По стенам горели чаши с синим пламенем. Каменный пол пересекали медные линии, сходящиеся к дверям. На широких ступенях теснились солдаты — настоящие, в кольчугах, с короткими копьями и прямоугольными щитами. Они смотрели на меня так, будто я вывалилась из чужого кармана.

Я тоже на них смотрела.

Первой разумной мыслью было: декорации.

Второй: я ударилась головой.

Третья пришла, когда один из солдат опустил копье и остриё оказалось в ладонь от моего лица: при сотрясении человек не чувствует запах чужого пота настолько убедительно.

— Не двигайся, — сказал он.

Я поняла слова не сразу. Они прозвучали будто сквозь воду: гласные тянулись непривычно, согласные были мягче русских. Но смысл возник в голове раньше, чем я успела разобрать речь. Не перевод, а узнавание. Как если долго слушать близкий славянский язык и вдруг перестать замечать разницу.

Я подняла руки ладонями наружу.

— Не двигаюсь.

Мой голос вызвал в зале движение. Люди обернулись к мужчине на возвышении у правой створки. Он был одет не как солдат: длинный чёрный кафтан без украшений, серебряная цепь на плечах, тонкие перчатки. С пояса свисала связка плоских металлических предметов. Не ключей — печатей с короткими рукоятками. Их было не меньше двадцати.

Мужчина спустился на одну ступень.

— Кто позволил ей войти?

Никто не ответил.

Он смотрел на меня спокойно. Именно спокойствие испугало сильнее копья. Так оценивают не опасность, а неудобство, которое сейчас уберут.

— Я сама не знаю, как вошла, — сказала я. — Где я?

— Уберите её с линий.

Солдат схватил меня за локоть. Я дёрнулась, увидев под коленями медную полосу, и позволила стащить себя в сторону. Там лежала моя сумка. Молния разошлась, по полу рассыпались тетрадь, зарядка, паспорт и учебник с закладками. Белая обложка учебника выглядела здесь нелепее меня.

Я наклонилась за паспортом, но копьё преградило путь.

— Потом, — бросил солдат.

Перед огромной дверью готовилась церемония. Я поняла это по тому, как люди заняли места. Две шеренги солдат выстроились на медных линиях. У каждой шеренги стоял знаменосец. Между ними поставили низкий каменный стол, на нём лежала круглая серебряная пластина. Человек в чёрном выбрал с пояса одну печать и передал её седому офицеру.

На площадку вышла молодая женщина в бело-красном платье. Волосы у неё были заплетены вокруг головы, а руки оставались голыми до локтей, несмотря на холод. Она встала лицом к отряду. Рядом с ней занял место худой юноша в короткой синей накидке.

Женщина подняла обе руки.

Зал затих.

Я перестала думать о паспорте.

Её движения напоминали жестовый язык, но не тот, которым пользовалась я. Одни знаки казались знакомыми из-за естественной наглядности: ладонь обозначила землю, два согнутых пальца — идущего человека, сцепленные кисти — соединение. Другие были условными. Женщина касалась костяшками подбородка, выворачивала запястье, проводила большим пальцем по центру ладони. Мимика тоже работала: поднятые брови задавали вопрос или условие, наклон корпуса связывал части фразы.

Юноша в синем повторял за ней голосом.

— Отряд восточного двора проходит через степную дверь по просьбе хранителя Реваля. Мы несём защиту дорогам и не обнажим оружия против домов степи.

Произнёс чётко, с отработанной торжественностью.

Я следила за женщиной. В первом предложении её жесты совпали с речью: отряд, восточный двор, проход, просьба человека, чьё имя обозначалось знаком у плеча. Во втором совпало не всё.

Она показала оружие. Потом — дома, землю, людей внутри.

Но отрицания не было.

Наоборот, короткое движение от груди вперёд придавало действию направление и намерение. Я ещё не знала местной грамматики, однако слишком много лет смотрела на человеческие руки, чтобы принять утверждение за запрет. Женщина не говорила: «не обнажим оружия». Она говорила: «оружие будет обращено против домов степи».

По ту сторону стекла всадники ждали. Один держал ладонь на серебряном круге, вделанном в высокий столб. Вероятно, отвечал за дверь с той стороны.

Седой офицер приложил печать к пластине на каменном столе.

Стекло загудело.

Мутные молнии внутри створок начали выпрямляться. Сквозь поле проступила дорога, будто нарисованная поверх травы. Солдаты подтянули ремни щитов. Кто-то сзади меня сказал:

— До полудня возьмём заставу.

Другой тихо засмеялся.

Может быть, я ошибалась. Я не знала языка. Не знала, что значил наклон пальцев, не понимала слов «восточный двор» и «хранитель» так, как понимали их эти люди. Всё происходящее вообще могло быть приступом, сном, провалом сознания после недосыпа.

Но дверь отвечала на три сообщения сразу. Это было видно. Синие огни в чашах вытянулись к говорящему юноше, медные линии под ногами женщины разгорелись красным, а под печатью офицера проступил белый круг. Три цвета поднимались к стеклу отдельными нитями.

Голос, жест, знак.

Три смысла должны были встретиться в одном месте.

Белая нить уже коснулась двери. Синяя легла рядом. Красная дрожала, будто её тянули в другую сторону.

— Стойте! — крикнула я.

Юноша сбился на половине фразы. Женщина опустила руки. Гул оборвался, но створки остались светлыми.

Копьё ударило меня древком под рёбра. Не сильно — предупреждая.

— Молчать.

Человек в чёрном даже не повернул головы.

— Начать заново.

Женщина подняла руки. Лицо её ничего не выражало, зато большой палец левой руки прижался к указательному так сильно, что побелел ноготь.

Юноша снова заговорил:

— Отряд восточного двора проходит через степную дверь...

Она снова показала обещание нападения.

Я шагнула на медную линию.

Солдат не ожидал этого и схватил воздух. Красный свет обжёг подошвы, поднялся по ногам, словно я вошла в ледяную воду. Я встала боком к женщине и повторила её фразу так, как поняла: отряд, проход, дома степи, оружие против них. Потом добавила отрицание — резкое движение, которым перечеркнула действие перед собой.

— Она показывает другое! — сказала я. — Голос обещает не нападать. Руки обещают нападение.

Ничего не открылось.

Зато дверь ответила.

Внутри правой створки раздался треск. По стеклу прошла тонкая чёрная полоса — от высоты человеческого роста почти до пола. Поле за ней исказилось. Всадники шарахнулись назад. В зале кто-то вскрикнул.

Седой офицер отдёрнул печать. Серебряная пластина на столе потемнела.

Человек в чёрном повернулся ко мне.

Теперь его спокойствие исчезло.

— Что ты сделала?

— Показала отрицание.

— Какое отрицание?

Я повторила движение медленнее. Ладонь вперёд, разворот кисти, короткое пересечение направления. Это не был русский жест из готового словаря. Я собрала его на месте из того, что успела увидеть у женщины, и из ясного запрета. Дверь снова тихо щёлкнула. В чёрной полосе мелькнул красный огонёк.

Женщина в бело-красном впервые посмотрела прямо на меня.

Её лицо оставалось неподвижным, но она показала у бедра, так, чтобы мужчина в чёрном не увидел: верно.

Едва заметный жест. Два пальца сомкнулись в кольцо, большой лёг поверх них.

Я не знала этого знака. Поняла по её выдоху.

— Здесь не место чужим забавам, — сказал мужчина в чёрном. — Повторить приказ. Девушку вывести.

Двое солдат двинулись ко мне.

— Если повторить, дверь всё равно не откроется, — сказала я.

— Она открывалась прежде.

— Тогда прежде ваши слова и руки говорили одно и то же. Или дверь не умела замечать разницу.

Он сошёл со ступени. Был он моложе, чем показался сначала: лет сорок, может быть, немного больше. Светлые волосы убраны назад, на виске тонкий белый шрам. На среднем пальце правой перчатки блестело тёмное пятно, как след ожога.

— Дверь ничего не замечает, — произнёс он. — Она исполняет решение хранителя.

— Тогда почему она не исполнила?

В зале стало так тихо, что я услышала собственное дыхание.

Мне часто приходилось говорить неприятное людям, уверенным, будто переводчик — прозрачная мебель. В больницах родственники требовали не переводить диагноз. На собеседованиях начальники просили смягчить отказ. Однажды мужчина велел передать глухой жене, что операция стоит вдвое дороже, чем сказал врач, и положил передо мной деньги. Я умела сохранять спокойное лицо. Но никогда раньше от моего ответа не зависело, пройдут ли вооружённые люди сквозь стену.

Человек в чёрном подошёл вплотную к медной линии.

— Ты понимаешь наш язык.

— Слышу и понимаю. Не знаю почему.

— И знаешь видимую речь.

— Эту — нет. Другую. Но смысл можно проверить.

— Проверить? — Он посмотрел на женщину в бело-красном. — Астен, покажи приказ ещё раз.

Значит, Астен — её имя или должность.

Она подняла руки. На этот раз двигалась медленнее. Указала на солдат, на створ, на далёкую степь. Изобразила дом: крыша двумя ладонями, стены. Коснулась запястья с внутренней стороны. Показала меч — два выпрямленных пальца из кулака — и направила его к воображаемому дому.

— Уберите последний знак, — сказала я. — Вместо него нужен запрет.

— В нашей видимой речи запрет показывают у горла, — ответил мужчина в чёрном.

Он коснулся двумя пальцами шеи и отвёл руку.

Астен едва заметно вздрогнула.

Я повторила знак. Он был удобным, быстрым и слишком похожим на другой жест, который женщина использовала в первой части фразы, обозначая принадлежность отряда восточному двору. Различались положение большого пальца и направление движения. Издали солдаты не увидели бы разницы.

— Покажите сами всю фразу, — предложила я.

— Я говорю голосом.

— Двери нужен жест.

— Для жеста есть обученные руки.

— Но решение, как вы сказали, ваше.

Седой офицер кашлянул. Не случайно: так человек предупреждает другого, что рядом слишком много ушей.

Мужчина в чёрном медленно снял перчатку. На его ладони тянулись тёмные линии, сходившиеся к круглому шраму в центре. Он поднял руку и показал фразу коротко, почти без движения лица. Отряд. Проход. Степь. Подчинение. Оружие. Дома.

Отрицания не было и у него.

Астен перевела точно.

Юноша в синем произнёс ложь.

Я почувствовала не торжество, а холод. Женщина на вокзале отступила от стеклянной двери с тем же выражением, какое теперь было у Астен: человек рядом вслух обещает одно, а телом уже совершает другое. Там я опоздала вмешаться на секунду. Здесь ещё могла успеть.

— Голос не совпадает с вашим решением, — сказала я.

— Моё решение — провести отряд.

— С каким приказом?

— Ты находишься в Ардене меньше четверти часа и требуешь отчёта у хранителя переходов?

Арден. Название легло в память сразу, будто я когда-то его учила.

— Я не требую отчёта. Я объясняю, почему дверь не открывается.

— Она не открывается из-за тебя.

— Тогда уберите меня и попробуйте.

Он улыбнулся. Не зло и не весело. Так преподаватель улыбается студенту, который сам предложил удобный способ доказать свою неправоту.

— Увести её за внешний круг.

Солдаты взяли меня под руки. Я не сопротивлялась. Меня протащили через две медные окружности к стене, почти до рассыпанных вещей. На этот раз я успела ногой подтянуть сумку. Один из солдат, совсем молодой, молча поднял паспорт и вложил внутрь. В глаза не посмотрел.

— Начать, — приказал хранитель.

Астен встала на своё место. Юноша заговорил. Седой офицер прижал печать.

Синяя и белая нити легли на стекло. Красная остановилась возле чёрной трещины.

Створки дрогнули.

За дверью степные всадники подались вперёд, надеясь, что проход откроется. Первый ряд солдат в зале сделал шаг. Пространство между створками потемнело, стало глубоким, как колодец.

На миг мне показалось, что хранитель прав. Отряд сейчас пройдёт, а я останусь крикливой сумасшедшей, упавшей из света.

Потом стекло выбросило красную волну.

Астен отбросило на каменный стол. Юноша упал на колени. Печать вырвалась из руки офицера и зазвенела на полу. Солдаты в первой шеренге столкнулись щитами; один рухнул поперёк линии. Синие чаши погасли разом.

За створками поле исчезло. Остался мутный серый туман.

Кто-то крикнул:

— Заперта!

— Степная дверь заперта!

— До зимы три дня!

Хранитель стоял, прикрыв лицо голой рукой. Между пальцами сочилась кровь. Чёрная полоса в стекле распалась на десятки мелких знаков. Я видела в них повторённые положения рук: меч, дом, движение вперёд. Рядом светились слова юноши — не буквами, а синими сгустками, но я каким-то образом понимала их: не обнажим оружия.

Дверь не просто отказалась. Она сохранила расхождение.

Астен приподнялась на локтях. Лоб у неё был рассечён. Я рванулась к ней, солдаты удержали меня.

— Она ранена!

— Стоять.

— Пусть подойдёт, — сказал хранитель.

Он выпрямился. Кровь на ладони собиралась по линиям шрамов и не капала на пол, словно кожа впитывала её обратно. Я не хотела приближаться, но Астен лежала у его ног. Пришлось шагнуть на круг.

— Помогите ей, — сказала я.

— Сначала помоги двери.

— Я не умею.

— Ты остановила её одним жестом.

— Я показала то, что должно было совпасть со словами.

— Значит, покажешь весь приказ.

Он поднял с пола печать и протянул седому офицеру. Тот не взял.

— Владыка Севард, пластина записала разлад, — сказал офицер. — Повторять опасно.

Вот как его звали: Севард.

— Разлад создала чужеземка.

— Нет, — хрипло произнесла Астен.

Все посмотрели на неё.

Она села, прижимая рукав ко лбу. Потом показала одной рукой: разлад был до неё.

Юноша в синем побледнел.

Севард повернул голову совсем немного.

— Голосом.

Астен ответила жестами. Медленно, чтобы даже я уловила смысл: видимую речь нельзя заставлять звучать чужим голосом.

— Она говорит, что... — начала я.

— Я понял.

Севард снова надел перчатку. Его взгляд перешёл с Астен на меня, затем на стеклянную запись. В этом взгляде уже не было желания немедленно избавиться от помехи. Хуже: он решал, как сделать помеху инструментом.

— Отряд вернётся в казармы, — сказал он. — Створ опечатать до выяснения причины повреждения. Обоих толмачей взять под стражу.

Юноша в синем вскинулся:

— Владыка, я произнёс выданный текст!

— Поэтому ты ещё жив.

Солдаты сомкнулись вокруг него и Астен. Никто не тронул Севарда, хотя его собственные руки только что подтвердили приказ о нападении. Значит, здесь наказывали тех, кто делал ложь заметной, а не того, кому она служила.

— Её тоже? — молодой солдат кивнул на меня.

Севард подошёл к рассыпанным вещам и поднял учебник. Полистал страницы вверх ногами, провёл пальцем по фотографии каменной арки.

— Особенно её.

— Я не ваш толмач.

— Ты вошла через дверь без печати, вмешалась в приказ и заставила стекло принять твой знак. До сегодняшнего утра такой человек не существовал. Теперь существует. Это делает тебя моей заботой.

— Я не вещь.

— В Ардене даже вещи имеют владельцев, чужеземка. Люди — обязательства.

Он сунул учебник в мою сумку и сам застегнул молнию. Жест выглядел почти заботливым, но я слишком хорошо видела разницу между движением и смыслом.

— Как тебя зовут?

Я могла соврать. Но паспорт уже побывал в руках солдата, а незнакомые буквы, похоже, не помешали Севарду понять назначение книжечки.

— Вера Ланская.

Он повторил имя, прислушиваясь к нему.

— Вера. Откуда ты пришла?

Я посмотрела на потухшую дверь. За стеклом не было ни вокзала, ни степи. Только серая глубина и красные следы чужого приказа.

— Из дома.

— У каждого прохода два конца.

— Я не знаю названия второго.

— Узнаешь.

Астен подняли с пола. Она пошатнулась, и я подхватила её под локоть прежде, чем стражник успел запретить. Женщина не отстранилась. Пальцы её свободной руки коснулись моей ладони и быстро начертили знак: глаз, затем дверь, затем связка на поясе Севарда.

Смотри на ключи.

Или: он следит через двери.

Я не успела уточнить. Нас развели в разные стороны.

Солдаты повели меня к узкому выходу за колоннами. Там начиналась каменная лестница. Наверху виднелось настоящее небо — белёсое, зимнее — и край города с медными крышами. Над крышами поднимались ещё три огромные двери, каждая в своей башне. Одна светилась зелёным, две были тёмными.

За спиной Севард отдавал распоряжения. Он велел снять стеклянную пластину, переписать запись и никого не выпускать из зала. Потом голос его стал тише, но последнее я услышала:

— Найдите картографа Эйра. Если чужеземка действительно читает разлад, он понадобится.

Имя мне ничего не говорило.

Молодой солдат на лестнице держал мою сумку. Другой шёл с копьём сзади. Я считала ступени, запоминала повороты и старалась не думать о том, что за огромной дверью больше нет вокзала. Работа учила начинать с того, что можно проверить.

Я проверила карманы. Телефон был со мной. Экран не загорелся. Часы остановились на одиннадцати сорока семи — на минуте, когда исчез стеклянный зал ожидания.

Проверила тело. Ссадины на ладонях, боль в коленях, ушиб под рёбрами. Всё настоящее.

Проверила язык. Солдаты впереди переговаривались, и я понимала их. Они спорили, успеет ли степной отряд вернуться до метели. Один сказал, что приказ был правильным и дверь испортила чужая ведьма. Второй ответил: если приказ правильный, почему его прятали от тех, кто должен был пропустить войско?

Первый велел ему заткнуться.

Слово прозвучало грубо. Его рука сказала то же самое.

Это было первое полное совпадение, которое я увидела в Ардене.

Наверху нас встретил ветер. Город лежал в котловине, разделённый стенами и замёрзшими каналами. По мостам двигались телеги, у ворот стояли очереди, над площадью хлопала полотнища четырёх цветов. Между дальними башнями тянулись пустые дороги, обрываясь у исполинских створов.

Я обернулась на зал перехода.

Сквозь узкие окна было видно красное мерцание треснувшего стекла. Запись приказа оставалась внутри. Голос обещал мир. Руки показывали нападение. Печать требовала исполнить решение, которое никто не решался назвать вслух.

И дверь выбрала не голос владыки.

Она выбрала расхождение.

Глава 2. Переводчица без голоса

Комната, куда меня заперли, слишком старалась не называться камерой.

На окне не было решётки, зато оно выходило в колодец двора на высоте четырёх этажей. На кровати лежало шерстяное одеяло, зато дверь открывалась только снаружи. У стены стоял кувшин, но чашу к нему прикрепили цепочкой. Я проверила всё это прежде, чем сняла куртку.

Часы по-прежнему показывали 11:47. Телефон не включался. Из сумки ничего не пропало: паспорт, кошелёк, зарядка, тетрадь и учебник были на месте. Даже шоколадный батончик уцелел. Я разломила его пополам, одну часть съела, вторую завернула. Если Арден существовал не в моей голове, неизвестно, когда меня покормят. Если не существовал, сахар всё равно не помешает.

Потом я записала увиденное. Голос — синий. Жест — красный. Печать — белая. При несовпадении стекло сохраняет след. Севард носит чужие печати. Астен арестована. Найти картографа Эйра.

Я ещё ставила точку, когда в замке повернулся ключ.

Вошла девушка с медным тазом и стопкой белья. На вид ей было около двадцати пяти. Рыжие волосы спрятаны под серым платком, рукава закатаны, на костяшках краснели следы горячей воды. За ней остался стражник.

— Снять чужое платье, — сказала девушка. — Надеть дворцовое.

Она положила на кровать длинную тёмно-зелёную рубаху, штаны, чулки и мягкие сапоги.

— Меня зовут Вера.

— Мне сказали не разговаривать.

— Это ты сейчас разговариваешь.

Уголок её рта дёрнулся.

— Лиса. Прачечная нижнего двора.

Она взяла мою куртку, ощупала молнию и с восхищением провела по зубцам. Я показала, как расстёгивать. Лиса попробовала трижды, потом быстро закрыла и спрятала улыбку.

— Сожгут? — спросила я.

— Вещи? Нет. Владыка велел хранить. Значит, дороже нас обеих.

Она сказала это буднично. Я переоделась за ширмой. Дворцовая одежда оказалась чистой, грубой и немного велика. Лиса помогла затянуть пояс, не касаясь без предупреждения.

— Астен жива?

Лиса посмотрела на дверь.

— Толмачку отнесли к лекарю. Потом в нижние комнаты.

— Это тюрьма?

— Если комната внизу и замок снаружи, можешь назвать её гостевой. Замку всё равно.

Стражник стукнул в дверь. Лиса собрала мои вещи. Перед уходом она провела пальцем по воздуху: глаз, дверь, связка у пояса. Тот же знак, который показала Астен.

— Что это значит?

Лиса сразу опустила руку.

— Ничего.

— Астен показала то же.

Стражник снова постучал, на этот раз сильнее.

— Значит: ключ видит хозяина, — прошептала Лиса. — У нас так говорят о чужих печатях. Больше не спрашивай.

Меня оставили одну ещё на час или на пять минут — остановившиеся часы одинаково плохо измеряли оба срока. Затем пришли двое солдат и повели по коридорам.

Дворец был построен вокруг дверей. Я поняла это по окнам: куда бы мы ни сворачивали, между крышами появлялась хотя бы одна башня со стеклянным створом. Галереи соединяли старые каменные здания, лестницы то поднимались, то уходили вниз. На каждом перекрёстке висела доска с цветными планками. Люди снимали планки, переставляли, записывали время мелом. Расписание. Только большинство строк было перечёркнуто.

У одной доски ждала женщина с двумя детьми. Она держала зелёную планку и спорила с писцом.

— Речная дверь закрыта третий день. Там мой муж.

— Нет разрешения хранителя.

— Мне не нужен хранитель. Мне нужен муж.

Писец отвернулся. Солдат подтолкнул меня дальше.

В комнате для допроса стоял длинный стол. За ним сидели Севард, седой офицер и незнакомый мужчина. Последний был лет тридцати, в тёмной куртке с множеством карманов. На столе перед ним лежала свёрнутая кожаная карта и три угольных карандаша. Волосы у него были почти чёрные, на левой брови белел старый порез.

Когда я вошла, он не повернулся на звук.

Севард указал мне на стул.

— Вера Ланская, это Ран Эйр, дворцовый картограф.

Ран продолжал смотреть на карту.

— Он вас не слышит, — сказала я.

Седой офицер нахмурился, будто я произнесла неприличное слово.

— Он читает губы.

— Тогда вы сидите против света. Вашего лица почти не видно.

Ран поднял взгляд. В нём мелькнуло удивление.

Я повернула стул так, чтобы свет падал сбоку, и села лицом к нему. Потом показала на себя и медленно произнесла имя, одновременно сложив пальцы буквой, ближайшей к русской «В». Не рассчитывала, что местная азбука совпадёт. Это было предложение договориться о знаке.

Ран ответил двумя быстрыми движениями. Первого я не поняла. Второе обозначало имя: два пальца прошли по ладони, словно линия дороги.

— Ран? — спросила я.

Он кивнул.

Севард наблюдал за нами с раздражённым интересом.

— Удивительно быстро.

— Мы только назвали.

— Он годами отказывается говорить с придворными толмачами.

Ран постучал пальцем по столу, привлекая мой взгляд, и показал: не отказываюсь. Они меняют смысл.

Последний знак я узнала по повтору движения Астен.

— Он говорит, что толмачи меняют смысл.

— Он говорит многое, — отрезал Севард. — Поэтому я велел привести именно его. Покажи картографу жест, которым остановила дверь.

— Сначала объясните, почему он нужен.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь ставить условия.

— Нет. Я думаю, что без общего смысла дверь опять кого-нибудь ударит.

Седой офицер отвёл глаза. Севард сцепил пальцы.

— Ран наносит переходы на карты. Он изучал видимую речь зрителей на севере, в степи и речных землях. Столичный язык знает хуже, чем полагает, но различит случайный знак и настоящий.

Ран дождался, пока Севард закончит, и вопросительно поднял брови. Он явно прочитал не всё. Севард говорил, прикрывая рот рукой.

Я передала содержание жестами, используя то немного, что уже видела, и поясняя предметами: развернула карту, указала на разные края, изобразила двери. Там, где не хватало знаков, рисовала пальцем на столе. Ран поправил три движения. Для «севера» он касался не плеча, а тыльной стороны ладони. «Степь» показывал широкой дугой. «Изучать» — не брать из книги, а удерживать перед глазами.

Когда мы закончили, Севард спросил:

— Ну?

Ран показал ему короткую фразу.

— Говори через неё, — велел Севард.

Я перевела:

— Он спрашивает, какой из ваших приказов считать настоящим: произнесённый или показанный.

— Печать подтверждала проход отряда.

Я передала ответ. Ран покачал головой и разложил на столе три карандаша параллельно. Коснулся первого, показал на рот. Второго — на руки. Третьего — на серебряную печать перед офицером. Затем сдвинул карандаши концами вместе.

Дверь открывается, когда три решения сходятся.

Севард заговорил медленно, глядя прямо на него:

— Печать подтверждает моё решение. Голос объявляет его людям. Жест направляет силу. Это не три решения.

Ран выслушал мой перевод, взял средний карандаш и повернул поперёк двух остальных. Потом толкнул всю связку. Она рассыпалась.

— Он считает иначе, — сказала я.

— Я вижу.

Ран продолжил. Каждый из трёх участников отвечает отдельно. Голос делает решение слышимым для тех, кто слушает. Жест делает его видимым для тех, кто смотрит. Печать связывает решение с человеком, который принимает последствия. Если один участник врёт, дверь не выбирает «главную» часть. Она отмечает расхождение.

— Почему тогда двери открывались прежде? — спросила я.

Севард ответил раньше Рана:

— Потому что прежде обученные люди не вносили чужих знаков.

Ран резко развернул карту. На коже были нарисованы четыре области, разделённые широкими пустыми полосами. Столица находилась в центре. От неё расходились линии к кружкам дверей. Возле нескольких кружков стояли даты и маленькие изображения ладоней. Ран указал на них, потом на Севарда и показал: заменены.

— Что заменено?

Ран вынул из кармана маленькую дощечку. На одной стороне был вырезан жест у горла, тот самый, который Севард назвал отрицанием. На другой — знак принадлежности восточному двору. Различие было почти незаметным.

— Столичные жесты менялись, — перевела я. — Постепенно. Там, где раньше было отрицание, теперь принадлежность. Или наоборот.

Севард положил ладонь на дощечку.

— Я упорядочил речь после войны. У каждой провинции были свои руки. Ошибка могла отправить обоз не в тот створ.

— И теперь только ваши толмачи знают правильный вариант?

— Теперь правильный вариант один.

Ран выдернул дощечку из-под его руки.

Солдаты у двери качнулись вперёд. Севард остановил их взглядом.

— Картограф хочет напомнить, почему лишился места в Совете дорог, — сказал он.

Ран показал: я ушёл сам.

— Он говорит, что ушёл сам.

— Конечно.

Я увидела знакомую уловку. Севард не лгал прямо. Он оставлял фразу такой, чтобы слушатель сам достроил нужное унижение.

— Зачем вы собрали печати правителей? — спросила я.

Седой офицер шумно вдохнул. Ран замер.

Севард ответил не сразу:

— После Войны дорог провинции пытались закрыться. Речные земли не пропускали хлеб на север, степь — лошадей в столицу, острова — лекарей на материк. Их правители передали печати единому хранителю, чтобы личная вражда больше не запирала створы.

— Передали добровольно?

— В присутствии свидетелей.

— Это не ответ.

— Для чужеземки ты быстро находишь неудобные различия.

Ран смотрел на меня внимательно. Потом показал: спроси, может ли печать быть отозвана.

Я спросила.

— Может, — ответил Севард. — Лично, в столице, перед Советом.

Ран указал на карту. Чтобы попасть в столицу, правителю требовалась дверь. Чтобы открыть дверь, требовалось разрешение Севарда.

Я перевела молча, одним взглядом. Севард понял.

— Мы обсуждаем не устройство империи, а появление Веры Ланской. Эйр, найди дверь, через которую она вошла.

Ран показал на все кружки карты: какую?

— Земля, — сказала я. — Мой мир называется Земля.

Он достал чистый лист кожи и нарисовал прямоугольник. Показал на меня, потом внутрь него. Я кивнула. Он добавил рядом второй прямоугольник — зал, где меня нашли, — и соединил их линией. Затем вопросительно поднял ладони.

— Я не открывала дверь. Она была обычной, стеклянной. По другую сторону стояли люди. Мужчина сказал одно, показал другое. Стекло засветилось.

Пока я рассказывала, Ран просил повторять движения. Его интересовало не место, а расхождение. Он нарисовал три линии. Для голоса и жеста поставил отметки, печать перечеркнул.

Без печати проход невозможен, показал он.

— Я знаю только то, что прошла.

Он покачал головой: значит, печать была.

Севард снял с пояса связку и разложил металлические знаки на столе. Круглые, квадратные, вытянутые, с гербами птиц, волн, колосьев и башен. Одна печать была тонкой стеклянной пластинкой без рисунка.

— Эта загорелась, когда ты появилась, — сказал он. — Она хранилась в нижнем хранилище двести семьдесят лет. Никто не знал, чья она.

Я потянулась, но он накрыл пластинку ладонью.

— Личная печать, — сказал Ран голосом.

Первое произнесённое им слово прозвучало глухо и неровно. Седой офицер уставился на него. Севард убрал руку.

Ран повторил жеста: личная — не значит собственность. Печать узнаёт ответственность того, кто принимает решение. Иногда её передают. Иногда отнимают. Но дверь помнит первого человека, который согласился отвечать.

— Чья эта?

Ран коснулся края стекла и тут же отдернул пальцы. Внутри вспыхнул слабый красный свет. Он указал на меня.

— Моей она быть не может.

— Теперь может, — сказал Севард. — Дверь привела тебя и признала твой жест. Пока Эйр ищет обратный путь, ты будешь служить при дворе.

— Нет.

Слово вырвалось раньше осторожности.

Севард чуть наклонил голову.

— Ты хочешь вернуться домой.

— Да.

— Для этого нужны карты Рана, мои створы и твоя печать. У каждого из нас есть необходимая часть.

Ран постучал по столу, требуя внимания, и показал: его карта — не Севарда.

Я перевела.

— Всё во дворце служит империи, — ответил Севард.

Ран свернул карту и убрал под куртку.

— Вы называете это службой, потому что слово «плен» плохо смотрится в приказе, — сказала я.

Седой офицер прикрыл глаза. Севард улыбнулся той же холодной улыбкой.

— Хорошо. Назовём иначе. Ты получишь комнату, пищу, доступ к картографу и возможность искать Землю. Взамен будешь проверять дворцовые переводы перед открытием дверей.

— А если перевод означает нападение?

— Ты передашь его точно.

— Всем участникам? Тем, на кого нападают, тоже?

Улыбка исчезла.

— Ты передашь его тем, кому велено.

Вот она, настоящая граница. Не между свободой и службой. Между переводом и удобной половиной смысла.

Ран показал мне у края стола, скрыв руки от Севарда: соглашайся сейчас. Узнай двери.

Я не любила, когда за меня решали, даже ради спасения. Посмотрела прямо на него и ответила так же скрытно: совет — не приказ.

Он сразу кивнул: верно.

Это короткое признание убедило сильнее уговоров.

— Я буду проверять совпадение, — сказала я Севарду. — Не менять жесты, не прятать часть приказа и не говорить от имени человека, который не видел текста.

— Условия ставлю я.

— Тогда дверь снова получит три разных решения. Ей ваши условия безразличны.

Севард посмотрел на стеклянную печать. Она лежала между нами и светилась изнутри, едва заметно, как вокзальная дверь перед тем, как исчез мой мир.

— До завтра ты числишься гостьей двора, — решил он. — Эйр покажет тебе старые записи. После этого я услышу разумный ответ.

— Увидите, — поправила я.

Ран спрятал улыбку, проведя пальцами у подбородка.

Нас вывели вместе. В коридоре он не стал ждать толмача. Показал на себя, на меня, затем развёл руки в разные стороны: мы не союзники только потому, что спорим с одним человеком. Я ответила, что понимаю.

Он добавил: и я не нуждаюсь в голосе вместо своего.

— А я не собираюсь его отнимать.

Ран не мог услышать слов, но прочитал их по губам. Потом протянул мне кусочек мела и раскрыл ладонь. Я написала на ней по-русски: «ВЕРА». Он рядом вывел местными знаками моё имя, а ниже нарисовал три короткие линии, сходящиеся у двери.

Голос. Жест. Печать.

Не ступени одной власти, а три свидетеля одного решения.

В конце коридора висело расписание переходов. Ран остановился возле него и перевернул две перечёркнутые планки. За ними открылись десятки имён и дат. Семьи ждали прохода неделями. Обоз с зерном — девять дней. Лекари с северных островов — двенадцать.

Севард предложил мне искать дорогу домой среди дверей, которые он держал закрытыми для всех остальных.

Я коснулась стеклянной печати, уже висевшей у меня на временном шнуре. Она была холодной.

Потом стала тёплой, словно слышала решение, которое я ещё не произнесла.

Глава 3. Печать на чужой руке

За мной пришли до рассвета.

Я успела понять, что во дворце утро начинается не со света, а со звона металлических планок на расписаниях. Где-то за стеной их переставляли быстрыми сердитыми движениями. Потом по коридору прокатился гул шагов, замок щёлкнул, и в комнату вошла Лиса с тазом, от которого поднимался пар.

— Умывайся быстро, — сказала она. — Речная наместница приехала.

— Та самая, чья печать у Севарда?

Лиса поставила таз так резко, что вода плеснула на пол.

— Тише. Здесь у стен нет ушей, зато у служанок они есть.

— Ты тоже служанка.

— Поэтому и знаю.

Она принесла мне другое платье: серое, с узкими рукавами и серебряной полосой у ворота. Вчерашнее зелёное хотя бы не пытаюсь выдать меня за часть дворца. Серое было формой. На груди уже пришили маленький знак раскрытых ладоней.

— Я этого не надену.

— Тогда пойдёшь в ночной рубахе. Севард не отменит площадь из-за твоего вкуса.

Слово «площадь» заставило меня посмотреть на неё внимательнее.

— Зачем наместнице площадь?

Лиса выжала тряпку и присела возле пролитой воды.

— Чтобы все видели, как речные земли снова клянутся пропускать хлеб. Три дня створ закрыт. Вчера на нижнем рынке муку давали по две чашки в руки. Сегодня люди придут слушать обещание.

— А что обещала сама наместница?

— Если бы простые люди знали, что обещают наместники, хранителям пришлось бы меньше объяснять.

Она сказала это без улыбки. Я надела платье.

Стеклянная печать висела на шнуре под тканью. Ночью я несколько раз просыпалась и проверяла, не забрали ли её. Она оставалась холодной, пока я не думала о двери на вокзале. Тогда внутри пробегала тонкая красная искра. Я ещё не решила, была ли это магия, узнававшая намерение, или я сама согревала пластинку пальцами. В мире, где стекло записывало ложь разными цветами, осторожность была полезнее восторга.

Лиса застегнула серебряную полосу у меня на шее и задержала руку.

— Если тебе дадут слова, произнеси их как велено.

— Вчера ты предупреждала меня о чужих печатях.

— Вчера нас было двое за закрытой дверью. Сегодня будет вся столица и сорок стражников.

— А наместница?

Лиса отвернулась к тазу.

— У неё с собой двенадцать речников. Остальных не пропустили через створ.

Дверь моей комнаты открылась. Седой офицер, присутствовавший на допросе, пригласил меня выйти. Сегодня я разглядела на его воротнике вышитую башню и имя на медной пластинке: маршал Тарен.

— Где Ран? — спросила я.

— Картографы не участвуют в государственных клятвах.

— Зато их карты участвуют в государственных войнах.

— Идите, госпожа Ланская.

«Госпожа» звучало хуже, чем «чужеземка». Так называют человека, которого уже вписали в нужную строку.

Мы спустились во внутренний двор. Снег здесь очистили до чёрных плит. Через арку была видна площадь перед главным створом — огромная, ступенчатая, окружённая галереями. Люди заполняли её снизу вверх, как вода чашу. Торговцы в кожаных фартуках, женщины с пустыми корзинами, солдаты, дворцовые слуги. Многие держали над головой деревянные хлебные мерки. Не лозунги, не оружие — доказательство того, что дома нечего насыпать.

На верхней площадке стоял стол с тремя предметами: свитком, низкой чашей и квадратной печатью с волной. Я узнала её. Вчера она висела на связке Севарда.

Рядом ждала женщина лет пятидесяти в тёмно-синем дорожном плаще. Серебряные волосы были заплетены в две тугие косы, сапоги заляпаны засохшей глиной. На правом запястье белела полоса свежей повязки. Позади неё стояли речники — мужчины и женщины в одинаковых синих шарфах. Один держал сложенный штандарт, другой поддерживал мальчика лет шестнадцати с перевязанной головой.

Наместница не выглядела человеком, прибывшим для клятвы. Она выглядела так, будто всю ночь пробивалась через запертую дверь и пока не решила, кого ударит первой.

Севард вышел к столу под звон колокола. На нём был белый плащ без следов вчерашнего ожога. Правая кисть скрывалась в тонкой перчатке. Он приветствовал площадь поднятой ладонью, и гул немного стих.

— Наместница Ильма Тир, — сказал он, — столица рада видеть вас перед началом зимних бурь.

Женщина ответила не ему, а площади:

— Я приехала потребовать открыть речной створ.

Голос у неё был низкий и хриплый. Люди внизу зашевелились. Севард продолжил улыбаться.

— Именно для этого мы собрались. После досадного расхождения в приказах наместница подтвердит старое обязательство: речные земли пропускают хлебные суда и не укрывают вооружённые отряды мятежников.

Ильма медленно повернулась к нему.

— В моём обязательстве не было мятежников.

— Формулировку уточнил Совет дорог.

— Без меня.

Маршал Тарен подтолкнул меня к столу. Там лежали две дощечки с вырезанными жестами. На первой раскрытая кисть двигалась вперёд — пропустить. На второй кулак опускался на другую ладонь — задержать вооружённых. Дощечки были новыми: в бороздках ещё оставалась светлая древесная пыль.

Севард обратился ко мне:

— Переведите распоряжение видимой речью. Точно, как обещали.

— Кому?

— Всем присутствующим.

Я посмотрела на Ильму.

— Вы видели текст?

— Мне показали его пять минут назад.

— Вы согласны с ним?

— Нет.

На этот раз площадь услышала. Внизу кто-то крикнул вопрос, но слова потерялись в шуме. Севард положил ладонь на свиток.

— Наместница возражает против нового названия разбойников, захвативших восточную пристань. Суть обязательства остаётся прежней.

Ильма шагнула к столу.

— На восточной пристани стоят семьи лодочников. Ты назвал их мятежниками после того, как они отказались отдать последние баржи твоим солдатам.

— Они препятствовали имперскому снабжению.

— Они везли зерно сюда.

Люди на площади снова загудели. Я увидела десятки лиц, повернутых к нам, и десятки рук, закрывавших глаза от зимнего солнца. Даже если я покажу всё точно, дальние ряды не различат пальцев. Севард это знал. Публичность была декорацией: голос услышат, жест увидят лишь те, кого поставили ближе.

К столу подошли два придворных толмача. Одного я помнила по вчерашнему залу — молодой мужчина с безупречно неподвижным лицом. Второй была пожилая женщина с забинтованными пальцами. Астен среди них не было.

Севард дал знак начинать.

— Я, Ильма Тир, наместница речных земель, — произнёс молодой толмач от её имени, — подтверждаю свободный пропуск хлеба к столице и поручаю хранителю переходов задерживать всякого, кто несёт оружие против имперского мира.

Он показывал одновременно. Жесты были крупными и отчётливыми, однако во второй части я заметила подмену. Голос говорил «оружие против мира». Руки говорили «оружие без знака хранителя». Не цель оружия, а разрешение Севарда становилось границей между путником и мятежником.

Я вскинула ладонь.

— Стоп.

Толмач замер.

— Расхождение, — сказала я. — Произнесено: задерживать тех, кто несёт оружие против имперского мира. Показано: задерживать тех, чьё оружие не отмечено хранителем.

— Это равные значения, — сказал Севард.

— Нет. Солдат с вашим знаком может напасть первым. Лодочник без знака может не нападать вовсе.

Ильма коротко рассмеялась.

— Вот зачем тебе понадобилась чужеземка? Чтобы она придала твоей лжи новый выговор?

Севард не посмотрел на неё. Он смотрел на меня.

— Исправьте жест согласно произнесённому.

— Чьему решению соответствует произнесённое?

— Решению Совета.

— Печать личная. Наместницы, не Совета.

— Печать была передана хранителю законно.

Я вспомнила три карандаша Рана. Голос. Жест. Ответственность. Севард мог добиться совпадения слов и рук, но третью линию он собирался провести чужой печатью.

Ильма протянула руку.

— Отдай мой знак.

Севард взял квадратную печать со стола, однако вместо того, чтобы передать, вложил её в металлическую оправу. От оправы тянулась цепочка к краю стола.

— После подтверждения.

— Подтвердить отказ?

— Обязательство.

— Моей рукой?

— Вашей рукой либо рукой хранителя, которому вы её доверили.

Он говорил спокойно, и именно поэтому мне стало страшно. Вчера я ещё могла считать его придворным интриганом, который привык толковать правила в свою пользу. Сейчас он не прятал устройство ловушки. Он показывал его всем и рассчитывал, что сама привычка к церемонии сделает насилие законным.

Ильма сорвала перчатку с правой руки. Под повязкой проступила кровь.

— Я приложила ладонь к речному створу, — сказала она площади. — Дверь не приняла приказ закрыть мой берег. Тогда люди хранителя прижали печать к моей руке. Створ записал разлад и отбросил нас. Вот почему мои спутники ранены. Вот почему здесь только двенадцать.

Мальчик с повязкой на голове поднял лицо. По его щеке тянулась тёмная ссадина.

Севард повернулся к толмачам.

— Наместница перенесла тяжёлый переход. Её слова переданы неточно.

— Она говорит сама, — ответила я.

— Большая часть площади не видит её рук.

— Тогда дайте им увидеть.

На ступенях стояли четыре сигнальщика с широкими белыми лентами. До войны, наверное, ими передавали приказы через шум и расстояние. Сейчас ленты были свёрнуты у пояса. Я показала на них.

— Повторяйте жест по рядам.

Севард впервые взглянул вниз, туда, где люди держали пустые мерки.

— Церемониальные сигналы не предназначены для споров.

— Они предназначены, чтобы решение видели.

— Вы здесь проверяете перевод, а не устанавливаете порядок.

— Проверила. Перевод не совпадает с решением владелицы печати.

Маршал Тарен подошёл ближе. Его рука легла на рукоять меча не угрожающе, почти устало.

— Госпожа Ланская, исполните приказ.

— Покажите его мне письменно.

Севард кивнул пожилой толмачке. Та развернула второй свиток. В нём было всего несколько строк. Я ещё плохо читала местные буквы, но знакомые названия узнала: речные земли, восточная пристань, зимний хлеб. И ниже — перечень людей, которым запрещался проход. Рядом с каждым именем стоял знак мятежа.

Первым было имя женщины. Ильма прочитала его через моё плечо.

— Сада Вир, старшина лодочников. Ей шестьдесят два. Она потеряла ногу на Войне дорог.

Следом шли ещё семнадцать имён. У некоторых были одинаковые родовые части. Семьи.

— Это не уточнение к поставкам, — сказала я. — Это приказ о задержании людей.

— Людей, препятствующих поставкам, — ответил Севард.

— Вы хотите провести список под печатью наместницы так, будто она сама объявила их мятежниками.

— Я хочу открыть дверь до того, как в столице начнётся голод.

Площадь услышала последнее слово. По толпе прошла волна. Кто-то поднял деревянную мерку и закричал, что дети уже едят пустую похлёбку. С другого края ответили: «Откройте створ!» Потом ещё десятки голосов повторили требование.

Севард не мешал им. Он ждал, пока страх сделает за него половину работы.

— Вот цена вашего отказа, — сказал он Ильме. — Не моя. Ваша.

Наместница побледнела. Она смотрела на пустые мерки, на детей у нижних ступеней, на своих раненых спутников. Выбор был устроен безупречно: согласись оклеветать своих людей или стань женщиной, оставившей столицу без хлеба.

Я знала такие разговоры. Не при дворе и не перед волшебной дверью. В больницах, судах, кабинетах начальников люди тоже любили сказать переводчику: передайте покороче, это неважно. Иногда «неважной» оказывалась боль пациента, иногда условие договора, иногда прямой отказ. Если переводчик соглашался, решение выглядело добровольным. Чужая рука ставила подпись, а чужой голос делал её удобной.

— Есть зерно у восточной пристани? — спросила я Ильму.

— Семь барж.

— Их можно пропустить без ареста лодочников?

— Можно. Я предлагала осмотреть груз с обеих сторон и оставить оружие в речной караулке.

— Почему створ закрыт?

Она показала на Севарда.

— Его люди потребовали передать баржи в военное управление вместе с командами.

— Ложь, — сказал Севард.

— Открой дверь и спроси у команд.

— Сначала клятва.

Круг замкнулся. Севард контролировал не только проход, но и возможность проверить его слова.

Я подошла к краю верхней площадки. Дальние лица расплывались, но сигнальщиков на ступенях было видно хорошо. Ближайший оказался совсем молодым, с красными от холода ушами. Я подняла руку и показала простой вопрос: видишь меня?

Он испуганно посмотрел на маршала.

— Не отвечать, — приказал Тарен.

Парень не двинулся, однако женщина-сигнальщик ниже повторила мой жест. Ещё ниже его подхватил мужчина. Вопрос прошёл по ступеням четырьмя большими белыми лентами.

Площадь затихла.

Я повернулась к Ильме.

— Скажите только то, что решили сами. Короткими фразами. Я покажу. Они повторят, если захотят.

— Вы не знаете речной видимой речи, — вмешался молодой толмач.

— Поэтому наместница будет проверять каждый знак.

Ильма встала рядом со мной. Бинт мешал ей двигать правой кистью, и она подняла левую.

— Я не отказываюсь посылать хлеб.

Я сначала показала фразу ей одной. Для хлеба использовала знак с дощечки, для отказа — движение у горла, которое уже знала. Ильма исправила положение большого пальца и кивнула.

Я повторила крупнее, обращаясь к первому сигнальщику. Он стоял неподвижно.

Зато женщина на второй ступени развернула белую ленту. Её руки сказали площади: хлеб — послать — не отказываюсь.

Третий и четвёртый подхватили.

В толпе кто-то повторил фразу голыми руками. Потом ещё кто-то.

— Я отказываюсь называть лодочников мятежниками, — сказала Ильма.

Мы разобрали фразу. В речном знаке лодочника ладонь шла волной, а в столичном изображала весло. Ильма выбрала столичный, чтобы её поняли. Слово «мятежник» молодой толмач попытался подсказать мне кулаком у груди. Наместница остановила его и показала другой знак: кулак, ломающий линию общего строя. Не человек без разрешения. Человек, поднявший оружие против своих.

Я передала именно это различие. Белые ленты понесли его вниз.

— Я предлагаю общий осмотр барж и открытый список груза.

Севард ударил ладонью по столу.

— Довольно.

Колокол над площадью зазвонил. Стражники шагнули к сигнальщикам. Молодой на первой ступени сам развернул ленту и повторил последнюю фразу, хотя лицо у него стало блее ткани.

Теперь площадь видела отказ Ильмы не от хлеба, а от чужого обвинения. Ловушка перестала быть невидимой.

Севард схватил квадратную печать в оправе.

— Наместница передала мне право открыть створ в случае угрозы столице. Свидетели здесь. Я принимаю ответственность.

Он прижал знак к своей обожжённой ладони.

Белая нить вспыхнула над столом. Она была мутной, с серыми провалами, но не исчезла. Печать отвечала ему. Значит, передача действительно когда-то состоялась — добровольно или нет, дверь не умела различать.

— Читайте приказ, — велел он молодому толмачу.

Тот начал с первой строки. Пожилая женщина показывала вслед за ним. Теперь голос и жест совпадали: хлеб пропустить, людей из списка задержать, баржи передать военному управлению. Севард не нуждался в согласии Ильмы, пока держал её печать и мог назвать ответственность своей.

Стеклянный створ за нашими спинами загудел. В его глубине появилась синяя нить голоса, красная нить жеста и белая нить печати. Они тянулись друг к другу.

Ильма ударила левой ладонью по оправе.

— Я отзываю передачу.

Белая нить дрогнула, но продолжила расти.

— Отзыв совершается перед Советом, — сказал Севард.

— Я перед столицей и своей дверью.

— Не по установленной форме.

Форма. Всегда находится форма, в которой человеку запрещено сказать «нет».

Я вытащила свою стеклянную печать из-под платья. Красная искра метнулась к краю.

— Вчера вы сказали, что печать связывает решение с тем, кто принимает последствия.

— Уберите её.

— Если Ильма отказывается, последствия берёте вы. Так и покажите. Не её знаком. Своим.

— У хранителя нет провинциальной печати.

— Тогда у вас нет провинциального решения.

Створ загудел громче. Три нити почти сошлись. Я подняла печать и показала тот же знак, которым Ильма отзывала согласие. Не для открытия — я не произносила приказа и не собиралась прикладывать стекло. Для площади.

Женщина-сигнальщик повторила. За ней остальные. Сотни людей увидели две ладони: чужая печать у Севарда и отказ её владелицы над головами толпы.

В стекле появилась четвёртая полоса — тонкая, тёмно-красная. Она не тянулась к остальным, а пересекала белую нить поперёк.

Севард уставился на створ.

— Что вы сделали?

— Ничего, чего дверь не видела.

Белая нить раскололась. Одна половина осталась у печати, другая потянулась к Ильме. Створ не открылся. Вместо удара, который вчера отбросил Астен, по стеклу прошёл низкий стон, и в прозрачной глубине застыла запись: приказ толмача, жест отказа, квадратная печать на ладони человека, которому она не принадлежала.

На площади стало так тихо, что я услышала собственное дыхание.

Потом мальчик с перевязанной головой поднял левую руку и повторил отказ наместницы.

Его поддержали речники. Сигнальщики. Женщина с хлебной меркой. Люди на нижних ступенях не знали всех слов, но видели главное: нет.

Севард отпустил печать. На его перчатке остался квадратный мокрый след.

— Маршал, очистите площадь.

Тарен не двинулся.

— Если сейчас пустить солдат, начнётся давка.

— Тогда закройте верхние ступени и задержите зачинщиков.

— Каких именно? — спросил маршал.

Севард посмотрел на сотни поднятых рук.

Ильма воспользовалась паузой. Она взяла свиток со списком и подняла над головой.

— Семь барж стоят у восточной пристани. Я разрешаю осмотр груза людьми столицы, речных земель и нейтральным смотрителем. Команды остаются на своих судах. Хлеб идёт на рынок, не в военные склады.

Я перевела. На этот раз сигнальщики не ждали разрешения.

— Створ закрыт, — сказал Севард. — Ваши красивые условия ничего не стоят без ключа.

— Откройте его, — крикнули снизу.

Требование прокатилось по площади. Люди больше не просили Ильму уступить. Они требовали от хранителя сделать работу, ради которой ему отдали печати.

Севард наклонился ко мне так близко, что я увидела серую точку ожога у его виска.

— Вы могли получить дорогу домой.

— А они могли получить хлеб без заложников.

— Вы не знаете, что начнётся, если каждая провинция станет толковать решение по-своему.

— Зато теперь все знают, что началось, когда толковать позволили вам одному.

Он отступил. Холодная ярость исчезла с его лица так быстро, словно её закрыли дверцей.

— Наместница останется во дворце до заседания Совета. Чужеземка возвращается в свои комнаты. Речные спутники могут разместиться в нижних казармах.

— Мы останемся вместе, — сказала Ильма.

— Тогда останетесь на площади.

— Значит, на площади.

Она села прямо на верхнюю ступень. Двенадцать речников расположились вокруг. Мальчик со ссадиной прислонился к её плечу. Из толпы начали передавать наверх шарфы, куски войлока, фляги. Стражники не решались мешать: для этого пришлось бы вырывать вещи из рук людей, которые только что увидели одну и ту же фразу.

Маршал Тарен повёл меня к арке. Я успела заметить Рана на галерее второго этажа. Он стоял за колонной, прижав к груди свёрнутую карту. Значит, картографы всё-таки участвовали в государственных клятвах — просто не там, куда их приглашали.

Я показала ему издалика: видел запись?

Он ответил: видел. Потом коснулся запястья, изобразил печать и указал не на Севарда, а на Ильму.

Дверь разделила владельца знака и человека, который им воспользовался.

Я кивнула. Ран добавил ещё два движения: стекло можно прочесть.

Стражник заслонил галерею, и мы потеряли друг друга из виду.

В коридоре Тарен остановился.

— Вы понимаете, что сделали?

— Перевела отказ.

— Вы сделали его публичным.

— Иначе это не был бы перевод для всех присутствующих.

Маршал потёр переносицу.

— Севард не забудет.

— Стекло тоже.

Он посмотрел на меня почти с жалостью.

— Стекло лежит в его дворце.

Эта мысль ударила сильнее угрозы. Запись существовала, но пока Севард владел створом, он мог спрятать её, заменить, объявить ошибкой. Свидетелями были сотни людей, однако голод и страх быстро превращают точное воспоминание в удобный слух.

У двери моей комнаты ждала Лиса. В руках она держала пустой таз, хотя пол давно высох.

— Хлеб откроют? — спросила она.

— Пока нет.

— Тогда зачем люди кричат?

С площади через стены доносился мерный шум. Один короткий возглас, пауза, снова возглас.

Я прислушалась. Люди повторяли имя наместницы и слово «видим».

— Потому что теперь они знают, почему створ закрыт.

Лиса быстро втокнула меня в комнату и закрыла дверь перед стражей, будто имела на это право. Потом поставила таз, схватила мою левую руку и заставила повторить жест Ильмы.

— Вот так?

— Большой палец ниже.

Она исправила.

— А список лодочников?

— Севард хотел провести их как мятежников под чужой печатью.

Лиса выругалась словом, которого я ещё не знала, но смысл перевода не требовался.

— В прачечной четыре женщины с речных берегов, — сказала она. — К вечеру этот знак будут знать все нижние дворы.

— Он может запретить.

— Запретить руки?

Она подняла ладони, красные от горячей воды. Впервые с моего появления во дворце я увидела не тайное предупреждение у бедра, не движение, спрятанное краем стола, а жест, который собирались повторять открыто.

Я коснулась печати под платьем. Стекло было горячим.

Севард всё ещё держал створы, расписания, солдат и связку знаков. Он мог не открыть хлебную дорогу. Мог запереть меня, Ильму и каждого сигнальщика. Но утром отказ принадлежал одной женщине, стоявшей перед чужой печатью.

К полудню он принадлежал всей площади.

Глава 4. Город по эту сторону

К вечеру площадь перестала кричать.

Шум не исчез — он просочился во дворец вместе с холодом, запахом мокрой шерсти и разговорами стражников. За дверью моей комнаты кто-то дважды сменил караул. Снизу доносили котлы для речников, оставшихся на ступенях. В коридоре спорили, можно ли считать сидящих людей гостями наместницы или участниками беспорядков. И всякий раз, когда я подходила к окну, видела белые ленты сигнальщиков. Они висели на перилах, уже бесполезные в темноте, но никто не решался их снять.

Лиса вернулась после отбоя с узлом чистого белья и поставила его на сундук.

— Переодевайтесь.

Сверху лежало серое платье прачки, грубые чулки и передник с пятнами щёлока. Под ними обнаружили короткий полушубок и платок.

— Зачем?

— Чтобы не выглядеть человеком, которого весь дворец должен не выпускать из комнаты.

— А человек, который меня сторожит?

— Невер считает до трёх, если перед ним поставить миску.

Она приоткрыла дверь. Молодой стражник, сидевший на табурете, как раз принял у кухонной девочки глубокую миску с тушёной репой. Девочка присела рядом и спросила, правда ли на площади наместница ударила хранителя печатью. Невер принялся обстоятельно объяснять, что никто никого не бил. Лиса втянула меня в служебную нишу, заставленную корзинами, и закрыла дверцу.

Я успела спросить только шёпотом:

— Куда мы идём?

— Смотреть, кому вы сегодня помогли.

— Створ не открылся.

— Вот и посмотрите.

Корзины пахли мокрым полотном. Лиса разобрала деревянную перегородку в глубине ниши, протолкнула меня в узкий проход и вернула доски на место. Я шла за ней боком, касаясь плечами холодной кладки. Под ногами журчала вода. Через несколько шагов проход вывел нас в тёмное помещение, где над каменными чанами висел пар.

Дворцовая прачечная не спала. Женщины крутили ворот большого отжимного вала, полоскали простыни, развешивали рубахи под потолком. Никто не удивился моему появлению. Только ближайшая прачка молча протянула мне корзину, и я поняла, что маскировка требует не столько одежды, сколько занятого вида.

Мы вышли через ворота для золы. У стены сучал один караульный. Лиса назвала номер двора, куда несёт бельё, и сунула ему под нос деревянную бирку. Он заглянул в корзину, увидел мокрые простыни и отшатнулся от запаха щёлока.

На улице уже зажгли масляные фонари. Я впервые оказалась в столице не в окружении солдат и не у окна кареты.

Дворец стоял на возвышении, откуда улицы расходились вниз, к замёрзшим каналам. Здесь мостовая была ровной, дома — каменными, окна — застеклёнными. Но уже за вторым поворотом камень закончился. Под сапогами захлюпала смесь снега и золы. Ветер тащил дым вдоль крыш, и от него слезились глаза.

Я прижимала корзину к животу и пыталась запоминать путь. Лиса заметила.

— Не выйдет. После колокола перекрывают прямые улицы, приходится идти дворами.

— Зачем перекрывают?

— Чтобы воры не могли быстро убежать.

— А честные люди не могли быстро прийти?

— Честным людям после колокола полагается быть дома.

Она сказала это без улыбки. На перекрёстке действительно стояла решётка. Мы свернули в арку, пересекли двор с рядами бочек, поднялись по лестнице, прошли чужую галерею и спустились на соседнюю улицу. Город был нарезан не хуже дворцового расписания: здесь можно, там нельзя, эта калитка открыта для слуг с биркой, тот мост — лишь для людей с синим знаком на рукаве.

У канала Лиса остановилась. На другом берегу горели десятки окон. Между нами лежал лёд, припорошённый снегом, но спуститься к нему мешала высокая решётка.

— Там Нижний Четверик, — сказала она. — Нам туда.

— Моста нет?

— Был. Его разобрали после Войны дорог. Сказали, по мосту прошёл отряд северян.

— И с тех пор никто не построил новый?

— Створ ближе.

Она указала на низкую башню в сотне шагов. В арке темнело стекло двери. Ни огня, ни караула рядом не было.

— Почему не пройти через неё?

— Это малая дверь. Закрыта.

— Кем?

Лиса пожала плечами.

— Расписанием.

Слово прозвучало так, будто расписание было человеком с ключом и дубинкой.

До Нижнего Четверика мы добирались почти час: вдоль канала, через торговые ряды, по мосту у соляного склада, потом назад по противоположному берегу. Прямое расстояние заняло бы три минуты.

Чем ниже мы спускались, тем плотнее стояли дома. К ним пристраивали лестницы, навесы, кухни, голубятни. Верёвки с бельём пересекали улицу в несколько ярусов. Под одним навесом сапожник ещё работал при свече. Под другим женщина продавала жидкую кашу из котла. Люди узнавали Лису и кивали ей, но на меня смотрели настороженно.

На стенах повторялся жест Ильмы. Его рисовали углём: ладонь, отвергающая чужое решение. Один рисунок был неверным — большой палец торчал вверх.

— Так получается «отдам после торга», — сказала я.

— Значит, исправьте.

Я поставила корзину и растёрла уголь рукавицей. Рядом остановились два мальчика. Я медленно показала нужное движение. Они повторили, споря, куда убрать большой палец. Лиса добавила несколько слов на местном языке, и дети убежали рисовать знак дальше.

— Вы обещали показать семьи, — напомнила я.

— Уже показываю.

Она толкнула дверь дома, который снаружи казался двухэтажным, а внутри оказался целой улицей под крышей. Длинный проход освещали плошки. Из дверей тянулись запахи капусты, клея, рыбы и лекарственных трав. У стены стояли дорожные сундуки, перевязанные верёвками. На каждом висела деревянная дощечка с именем и датой.

— Они уезжают?

— Они ждут.

Первый сундук принадлежал семье Тавр. Дата была проставлена трижды и дважды зачёркнута. На крышке сидела девочка в большой мужской рубахе и расчёсывала куклу без волос.

Из комнаты вышла женщина с младенцем на руках. Она увидела меня, крепче прижала ребёнка и спросила Лису:

— Это она?

— Она.

— Та, что не дала назвать речников мятежниками?

Я не успела ответить. Женщина заговорила быстро, срываясь на незнакомые слова. Лиса подняла ладонь.

— Медленнее, Мейра. Она не всё понимает.

Мейра повторила. Её муж, Орс Тавр, был каменщиком на северных островах. Весной он уехал чинить волнолом, рассчитывая вернуться через три месяца. Потом северный створ перевели на военное расписание. Гражданским оставили один проход в две недели, но каждый раз место получали чиновники, поставщики или семьи с дворцовым знаком.

— Он жив? — спросила я.

— Три недели назад было письмо.

Она достала сложенный лист. На нём расплылось круглое пятно, будто бумага промокла от морской воды. Орс писал, что работа закончена, общежитие закрывают и ему негде жить. За обратный пропуск требовали поручительство хозяина работ, а хозяин уже уехал первой дверью.

— Почему вы не поедете к нему?

Мейра посмотрела на младенца.

— Детей через военный створ не берут. И у меня нет северной печати.

— А малая дверь у канала?

Лиса перевела вопрос. Мейра горько рассмеялась.

— Она вела к островной пристани. Мой дед ходил. Потом хранитель забрал знак у нашего квартала, потому что через дверь провели бочки без пошлины.

— Один человек провёл?

— Не знаю. Это было до моего рождения.

Сундук стоял в проходе семь месяцев. Мейра не распаковывала его: если придёт разрешение, надо будет бежать к большому створу до третьего колокола. Девочка каждый вечер клала внутрь куклу, а утром доставала, чтобы играть.

Я спросила, сколько стоит место.

Мейра назвала сумму. Я ещё плохо понимала местные деньги, но Лиса наклонилась ко мне:

— Полгода её работы в швейной мастерской.

— А разрешение гарантировано?

— Нет. Только просьбу поставят выше.

Следующая дверь в проходе была открыта. За столом сидел старик и разрезал кожаный ремень на узкие полосы. Левая половина комнаты пустовала. На стене остались светлые прямоугольники от снятых полок.

— Дед Рой живёт на две стороны, — сказала Лиса.

Старик поднял голову.

— Жил, — поправил он.

Его старшая дочь держала пекарню в речных землях. Младшая вышла замуж в столице. Пока створ работал каждую неделю, Рой менял дом с сезонами: летом помогал на речной пристани, зимой чинил упряжь здесь. Теперь он застрял в столице. Старшая дочь сломала ногу, пекарню некому открывать, но в разрешении ему отказали: возраст, зимний риск, отсутствие полезного груза.

— Я сам и есть полезный груз, — сказал он. — Руки ещё работают.

Он поднял ремни. На каждом были вырезаны короткие черточки.

— Что это?

— Дни.

Сто сорок три черточки. Я не стала пересчитывать — число он назвал сам.

— А письма доходят?

— Когда створ открывают для хлеба. Значит, теперь не дойдут.

Он произнёс это без упрёка, но я всё равно почувствовала себя виноватой. Утром я помогла остановить приказ, который превращал лодочников в преступников. Вместе с приказом остановился и хлеб. Севард устроил выбор, где любой отказ кому-то причинял боль, а потом оставил эту боль у наших ног.

— Если бы Ильма согласилась, створ открыли бы? — спросила я.

Рой аккуратно сложил ремни.

— На день. Может, на два. Потом нашли бы другую причину. Так было осенью.

— Какую?

— На речной стороне не тем знаком показали число телег. Пять дней спорили, пять телег это или пять десятков. Пока спорили, мука отсырела.

Лиса тронула меня за локоть. В проходе собирались люди. Весть о чужеземке распространилась быстрее, чем жест на площади. Мне задавали вопросы со всех сторон: правда ли стекло показало чужую руку, правда ли Ильма отозвала печать, правда ли я могу открыть любую дверь. На последний вопрос я отвечала особенно твёрдо:

— Нет. Не могу.

Разочарование было почти осязаемым. Людям хотелось, чтобы я оказалась новым ключом. Так было проще, чем надеяться на изменение порядка. Я вспомнила, как Севард повесил мне на шею безмянную печать и сразу назначил ей смысл: дорога домой в обмен на работу. Здесь на ту же печать смотрели как на обещание открыть все створы. Оба взгляда превращали меня в инструмент, только один — приказом, другой — нуждой.

— Я умею видеть, когда слова и жесты расходятся, — сказала я. — И могу учиться. Больше пока ничего.

Мейра покачала ребёнка.

— Нам не нужно всё. Одну дверь к северу. Раз в месяц.

— А нам — к реке, — возразил Рой.

— Сначала хлеб.

— Сначала люди, которые его везут.

— На островах лекарь не вернулся, там дети кашляют кровью.

Голоса наложились друг на друга. Кто-то требовал общий список, кто-то обвинял речников, кто-то говорил, что северяне сами закрылись после войны. Женщина у дальней двери закричала, что её брат пропал на степной стороне, и никто не хочет даже проверить его имя.

Я подняла руки, привычно прося дать переводчику закончить. Здесь мой жест никто не знал. Лиса встала на сундук и свистнула так громко, что заплакал младенец.

— По одному! — приказала она. — Иначе она уйдёт с тем же, с чем пришла: с шумом.

Наступила тишина.

— Мне нужны не просьбы, — сказала я. — Мне нужно понять, как закрытые двери меняют вашу жизнь. Кто принимает решение. Что написано в отказе. Какая печать была у квартала. Где находится малая дверь. Если вы хотите, чтобы я помогла разобраться, говорите по одному и разрешите записать.

— А куда вы понесёте записи? — спросил Рой. — Севарду?

Хороший вопрос. Телефона у меня не было, местные буквы я читала с трудом, а все комнаты, которые мне предоставляли, принадлежали дворцу.

— Пока никуда. Сначала надо найти место, где записи не заберут.

— Такое место есть, — сказала Лиса. — Прачечная.

Люди рассмеялись.

— Почему?

— Потому что ни один советник не полезет в мешок с исподним, если можно послать слугу.

Смех снял напряжение. Мейра принесла дощечки, на которых дочь училась писать. Рой уступил мне край стола. Я разделила поверхность первой дощечки на несколько частей и попросила назвать имя, сторону, дату последнего прохода, причину отказа и тех, кто остался по другую сторону.

Очень скоро стало ясно, что такой список не помещается ни на одной дощечке.

В доме жила семьдесят одна семья. В сорока двух кто-то оказался за закрытым створом. Мужья и жёны, родители, взрослые дети, братья, сёстры. Были и те, кто не считался родственником: ученик, оставшийся без мастера; две женщины, державшие общую красильню по разные стороны речной двери; бывшие солдаты одного отряда, которые после ранения помогали друг другу пережить зиму.

Не все хотели возвращения. Один мужчина просил только передать степной жене, что не бросил её. Молодая женщина боялась, что отец приедет и снова станет распоряжаться её заработком. Старуха по имени Дора сказала, что рада закрытому створу: сын проиграл дом и теперь не может добраться до её комнаты. Лиса не позволила вычеркнуть эти случаи.

— Дорога нужна и для «нет», — сказала она. — Иначе решать будет тот, у кого ключ.

Я посмотрела на неё с новым уважением.

— Именно.

Проблема была не в том, что все должны оказаться рядом. Проблема была в том, что Севард и его расписание решали за них, кому ехать, кого ждать, какой семье считаться настоящей и какой труд — полезным грузом.

Мы дошли до двадцать шестой истории, когда снаружи трижды ударили в металлическую трубу. Люди мгновенно замолчали. Лиса погасила две плошки и жестом велела мне отойти от двери.

По проходу застучали сапоги.

В дом вошли четверо стражников в серых плащах. Впереди шёл невысокий чиновник с круглым фонарём и связкой бирок. Он не назвал себя. Спросил, кто рисовал на стенах знак наместницы, и приказал стереть изображения до утра.

— Почему? — спросила Мейра.

— Неподтверждённые дворцовые знаки могут вызвать беспорядок.

— Мы видели его на площади.

— Вы видели церемонию издалека и могли ошибиться.

Я почувствовала, как Лиса сжала моё запястье. Если я выйду сейчас, чиновник получит не только рисовальщиков, но и сбежавшую дворцовую гостью. Однако молчать, пока он называет увиденное ошибкой, было почти невозможно.

Рой сделал шаг вперёд.

— Мои глаза ещё работают.

— Ваши глаза не являются официальной записью.

— Официальная запись в стекле.

Чиновник помедлил. Значит, о записи знали уже не только участники церемонии.

— Стекло проверяет хранитель.

— Тот, чью руку оно записало?

Стражник ударил Роя древком копья под колени. Старик упал, успев выставить ладони. Я рванулась к нему, но Лиса удержала меня обеими руками.

— Не сейчас, — прошептала она. — Если вас заберут, они скажут, что чужеземка подучила квартал.

Чиновник велел принести воду. Мальчиков, рисовавших знак, поставили на колени у стены и заставили стирать уголь тряпками. Чёрная вода потекла по штукатурке, превращая ясную ладонь в грязное пятно.

Но у одного мальчика уголь остался на пальцах. Пока стражник смотрел в другую сторону, ребёнок спрятал руку за спину и повторил знак для нас.

Я поняла, что не помню его имени.

В списке были имена тех, кто ждал месяцами. Имя мальчика, которого могли забрать сегодня, мы даже не спросили.

— Как его зовут? — шепнула я.

— Тирс. Двенадцать лет. Отец на речной стороне, мать умерла зимой.

Чиновник закончил обход, забрал две угольные дощечки и предупредил, что за повторный рисунок дом лишат права подавать прошения на переход. Потом стражники ушли.

Рой поднялся сам. Колени у него дрожали, но от помощи он отказался. Мейра заперла дверь и снова зажгла плошки.

— Вот и записали, — сказал старик.

Одна из наших дощечек лежала на столе. Вторую Лиса успела сунуть под рубаху, третью спрятала девочка в дорожный сундук. Чиновник унёс учебные упражнения и, кажется, остался доволен добычей.

— Они вернутся, — сказала я.

— Конечно, — ответила Лиса. — Поэтому пойдём дальше.

Мы вышли через задний двор. Теперь корзину несла Мейра: в ней под мокрым бельём лежали дощечки со списком. Младенца она оставила старшей дочери.

— Куда?

— К тем, у кого нет дома для сундуков.

За Нижним Четвериком начинался квартал старых складов. Некоторые сторели, другие стояли без крыш. В проходах между стенами строили шалаши из парусины. Здесь ветер был сильнее, потому что его не задерживали жилые дома.

У костра грелись человек двадцать. Большинство держали рядом узлы и дорожные мешки. Я сначала решила, что это нищие, но одежда у многих была добротной, а багаж — аккуратно собранным. Они просто не жили в столице. Они приехали к створу и не смогли ни пройти дальше, ни вернуться.

Купец из степи привёз краску и сушёные ягоды. Разрешение на вход ему дали, потому что товар требовался дворцовым мастерским. Обратного его не выпускали: караванный створ теперь пропускал только военные грузы. Деньги кончились, лошадей забрали за стойло, товар приняли по зимней цене в счёт долга.

Две сестры с северных островов сопровождали тело матери для погребения на родине. Большая дверь не принимала их решение, потому что умершая была записана третьей путницей, но не могла ни произнести фразу, ни показать жест. Чиновники предложили оставить тело в столице или ждать особого разрешения хранителя. Они ждали девять дней в холодном складе.

— До войны для этого был знак семьи, — сказала старшая сестра. — Живые подтверждали путь за умершего.

— Почему его больше не принимают?

— Хранитель отменил старые знаки. Сказал, ими прикрывались беглецы.

Рядом сидела женщина в речном плаще и кормила пожилого мужчину с ложки. Он смотрел сквозь нас и всё время называл одно и то же имя. Женщина объяснила: отец потерял память ещё до поездки. В столицу его везли к лекарю. Теперь дорога назад требовала личного решения, которое он не мог одинаково выразить голосом и руками.

— Дома он тоже болен, — сказала она. — Но там его кровать, его сад, сосед, которого он узнаёт. Здесь он просыпается и думает, что его украли.

— Кто решает такие случаи?

— Хранитель.

— Он видел вашего отца?

— Его писарь видел бумагу.

Каждая история упиралась в одну и ту же точку. Иногда на пути стояла печать, иногда расписание, иногда невозможность выполнить правило, придуманное для здорового взрослого путника с грузом. Но окончательное решение всегда поднималось по лестнице к человеку, который не видел ни лица, ни дома, ни того, что останется по другую сторону.

Я села у костра. Пальцы болели от холода. Мейра передала мне кружку горячей воды с тмином.

— Сколько таких мест? — спросила я Лису.

— В столице? Пять больших. Маленькие никто не считает.

— И все ждут больших створов?

— А чего ещё?

Я посмотрела назад. Над крышами возвышался дворец. Четыре башни отмечали большие двери провинций. Даже отсюда было видно синее свечение единственного действующего стекла.

Город строил всю жизнь вокруг этих четырёх точек. Склады, караулки, постоянные дворы, конторы писарей, рынки. Если Севард закрывал дверь, люди не искали другую. Они садились рядом с сундуками и ждали, потому что десятилетиями им объясняли: других дорог нет.

Но я видела малую дверь у канала.

— Вы сказали, знак той двери забрали у квартала. Где он теперь?

Лиса пожала плечами.

— Может, во дворце. Может, переплавили.

— Печать можно переплавить?

— Металл — да. Решение — не знаю.

— Кто делал знак изначально?

На этот раз ответила старшая северянка:

— Община. До Войны дорог малые створы принадлежали тем, кто содержал путь. Рыбаки держали островные, лодочники речные, пастухи степные. Потом сказали, что война началась из-за множества хозяев.

— А началась почему?

Люди у костра заговорили одновременно. Речная женщина обвиняла северного наместника. Купец — столичных сборщиков пошлыны. Сестра с телом матери сказала, что первый отряд прошёл под поддельной семейной печатью. Никто не знал всей истории. Каждый знал ту часть, за которую платил его берег.

Я училась на историческом факультете именно потому, что меня раздражали удобные единственные причины. Войны редко начинались из-за одного приказа, одного злодея или одной обиды. Позже победители выбирали понятную версию, ставили её на памятник и учили детей. Здесь победитель ещё жил во дворце и держал на поясе чужие печати.

— Мне нужен человек, который помнит устройство малых дверей, — сказала я.

Лиса обменялась взглядом с Мейрой.

— Картограф.

— Ран знает?

— Если не знает, найдёт. Но Севард следит за ним.

— За мной тоже.

— Вы хотя бы слышите шаги стражи.

Это было сказано резко. Я открыла рот и закрыла. Лиса не шутила. Днём во дворце я правильно усадила людей лицом к Рану, настояла, чтобы обращались к нему прямо, и уже успела решить, что понимаю его положение. Но в тёмной улице любое предупреждение, оклик, приближение человека со спины становились для него другими, чем для меня. Это не делало его беспомощным. Это означало, что тайную встречу нельзя устраивать так, будто все получают опасность одинаковым способом.

— Тогда встречу назначит он, — сказала я. — Место и условия.

Лиса кивнула.

— Передам.

— Не просите его прийти. Спросите, согласен ли он и как безопасно связаться.

— Передам именно так.

У соседнего костра заплакал ребёнок. Кто-то добавил в огонь обломок ящика. На доске сохранилась половина дворцового клейма, и пламя медленно съело корону.

До этой минуты я всё ещё считала дни иначе. Сколько времени прошло с вокзала. Как найти дверь на Землю. Что потребует Севард. Можно ли вернуться, пока мама не начала обзывать больницы, а начальница не решила, что я бросила смену. Моя жизнь оставалась там, по другую сторону: недописанная курсовая, кружка на кухонном столе, обещание приехать к матери в воскресенье.

Я не перестала хотеть домой.

Но дом перестал быть единственной дорогой, которая имела значение.

Если завтра Севард предложит мне земной створ в обмен на молчание, я уже буду знать, что именно покупает моё молчание. Сто сорок три черточки на ремне. Куклу, которую каждый вечер укладывают в сундук. Мёртвую женщину, которой отказали в пути из-за невозможности показать жест. Мальчика Тирса с углём на пальцах. Сотни людей, превращённых в приложение к грузовым спискам.

Мне не нужно было обещать им открыть все двери. Такое обещание было бы ещё одной ложью человека с печатью.

Я могла поставить цель точнее.

— Запишите, — сказала я Мейре.

Она достала дощечку.

— Что?

— Нам нужны гражданские дороги. Не разрешение для одной семьи и не милость на один караван. Правила, по которым человек может пройти без военного груза, дворцового покровителя и чужой печати. Отдельно — для детей, больных и тех, кто не может подтвердить решение обычным способом. Решение должно оставаться у тех, кто несёт последствия.

Лиса слушала, прищурившись.

— Красивые слова хранитель тоже умеет говорить.

— Тогда без красивых слов. Сначала найдём одну малую дверь. Узнаем, кому она принадлежала, из чего делали печать и почему створ её больше не принимает. Потом проверим путь без людей — мешком песка или пустой телегой. Если получится, проведём необходимый груз. Если не получится, запишем, на чём именно.

— А семьи?

— Людей не поведём, пока не поймём цену обратного перехода.

Старшая северянка подняла голову.

— Какую цену?

Я вспомнила предупреждение, которое звучало в моём первом зале: обратная дорога берёт больше. Севард не объяснил. Ран тоже пока не успел или не захотел. Говорить догадками людям, готовым рискнуть ради дома, было опасно.

— Не знаю. Поэтому сначала груз.

Рой протянул ладонь к огню.

— Пустую телегу дверь может принять. А решение чьё?

— Возницы.

— Значит, не пустую.

Он был прав. Даже опыт с мешком требовал человека у двери, а всякое решение оставляло след. Я исправила себя:

— Сначала разберём записи прежних проходов. Никаких испытаний, пока не узнаем больше.

Это прозвучало медленнее, зато честнее.

Мейра вырезала на дощечке короткую фразу. Я попросила прочитать. Получилось: «Дороги для мирных людей. Начать с малой двери. Не вести путников без знания цены».

— Ещё одно, — сказала Лиса. — Кто хранит список?

После короткого спора решили не собирать его целиком. Каждый дом сохранит свои имена. В прачечную передадут только число ожидающих, сторону и причину отказа без полного имени. Отдельные дощечки можно будет сложить лишь на встрече. Если стража найдёт одну, она не получит всю сеть.

Я подумала о карте, которую нельзя отнять одним движением. Ещё вчера у меня не было для неё слов. Сегодня она начиналась с мешков белья.

Обратно мы пошли втроём. Мейра довела нас до канала и забрала пустую корзину. Перед расставанием я спросила, почему она решила оставить детей ночью.

— Потому что утром вы могли открыть хлеб ценой чужих имён и не открыли, — ответила она. — Это мало. Но не ничего.

У малой двери Лиса замедлила шаг.

Башня стояла между двумя запертыми воротами. Стекло было мутным, в нижнем углу расползлась трещина. Над аркой сохранился каменный знак: две ладони держали доску моста. Под ним кто-то позже выбил имперскую корону.

Я подошла ближе. Никакого свечения не появилось. Моя безымянная печать под платьем оставалась холодной.

На створе висела металлическая табличка. Я разобрала только слова «закрыто» и «решение хранителя».

— Здесь должен быть третий знак, — сказала Лиса.

— Где?

Она провела пальцем по камню между ладонями. Там виднелось круглое углубление размером с монету. Печать не просто забрали. Её изображение выскоблили из стены.

С противоположного берега доносилась песня. Кто-то возвращался домой по улице, которая была в трёх минутах ходьбы и в часе обхода.

Я положила ладонь на холодное стекло. Дверь не ответила.

— Кто жил в башне? — спросила я.

— Смотритель. Старик Кор. После закрытия его поселили у большого северного створа. Имя совпало с тем, которое Ран написал среди людей, понимавших старые правила.

— Значит, найдём Кора.

На дворцовый холм мы вернулись перед рассветом. Решётки на прямых улицах уже подняли, и путь занял втрое меньше времени. Возле золотых ворот нас ждал маршал Тарен.

Он стоял один, без шлема, прислонившись к стене. Невер, который должен был охранять мою дверь, виновато переминался рядом.

Лиса остановилась, но не отпустила мою руку.

— Она пошла за лекарством, — сказала она.

— В корзине? — спросил Тарен.

— Лекарства по-разному носят.

Маршал посмотрел на мои грязные сапоги, серое платье и уголь на пальцах.

— Госпожа Ланская, хранитель велел держать вас в комнате.

— Он велел вернуть меня туда?

— Пока нет. Он ещё не знает, что вы уходили.

— А вы?

— Я знаю, что в Нижнем Четверике ночью искали тех, кто рисует знак наместницы. И знаю, что дворцовая гостья исчезла ровно на это время.

— Тогда почему вы ждёте здесь, а не привели стражу?

Тарен поднял глаза к башням.

— Потому что моя сестра живёт в речных землях. Сегодня она должна была приехать с хлебными баржами.

В его голосе не было просьбы. Он просто добавил ещё одно имя к списку, которого не видел.

— Севард знает?

— Он знает, что у меня есть сестра. Не считает это государственным обстоятельством.

— А вы считаете?

— До сегодняшнего дня старался не считать.

Лиса тихо фыркнула.

Маршал выпрямился.

— Через пять минут Невер доложит, что вы всю ночь спали. Больше такого выхода я не прикрою.

— Почему прикрываете этот?

— Хочу узнать, что вы видели.

Я могла солгать. Могла назвать только семьи или притвориться, что Лиса водила меня к лекарю. Вместо этого показала на тёмную башню у канала, едва различимую между крышами.

— Малую дверь. У неё выскоблена общинная печать. Мне нужен Кор и старые записи проходов.

Тарен резко посмотрел на меня.

— Не трогайте малые створы.

— Почему?

— Потому что большие двери закрывают провинции. Малые закрывали улицы. Когда они ломались, исчезали дома.

— Исчезали куда?

— Иногда на другую сторону. Иногда не находили ни людей, ни камней.

Вот оно — первое предупреждение, которое звучало не как удобный запрет. Я заставила себя не спорить.

— Это записано?

— Должно быть.

— Где?

— У смотрителей. Если Севард ещё не забрал журналы.

— Поможете встретиться с Кором?

Маршал долго молчал. За стеной просыпалась прачечная: загремели вёдра, кто-то открыл заслонку печи.

— Нет, — сказал он. — Но завтра у северного створа меняют караул в полдень. Пять минут внутренний двор остаётся без офицера.

Он отошёл от стены и забрал у Лисы корзину.

— Теперь вы действительно возвращаетесь с бельём. Иначе даже Невер не поверит.

В моей комнате всё осталось как прежде. Остывший ужин, смятая постель, учебник истории на столе. За окном над площадью серело небо. Речники спали на ступенях, укрывшись переданным войлоком. Ильма сидела у потухшей жаровни, не выпуская свиток из рук.

Я достала стеклянную печать. В сером свете она казалась обычной мутной пластиной. Где-то за стенами ждали четыре большие двери и десятки малых, о которых не было строк в дворцовом расписании.

На Земле я хотела открыть одну дорогу — свою.

Теперь этого было недостаточно.

Я взяла чистый лист, медленно вывела местными буквами имя Кора и ниже написала по-русски, чтобы никто во дворце не прочитал с первого взгляда:

«Гражданские дороги. Сначала узнать цену».

Это было не обещание открыть створ.

Это было решение выяснить, как перестать просить у одного человека право идти домой.

Глава 5. Карта, которой нельзя верить

К полудню Севард прислал мне новое платье и письменное приглашение на заседание Совета.

Платье было зелёным, с таким узким воротом, что в нём трудно поворачивать голову. Приглашение предлагало присутствовать как «свидетелю необычного отклика безымянной печати». Ни слова о переводе Ильмы, чужой руке на её знаке или людях, ночующих на площади.

Я положила лист под учебник. Платье оставила на кровати.

Лиса не появилась. Вместо неё завтрак принесла незнакомая женщина с серым платком, завязанным так низко, что он скрывал брови. Она поставила поднос, поправила полотенце и показала пальцами возле бедра: видел — согласен — место выбирает он.

Я не сразу поняла, о ком речь. Женщина повторила последний знак, затем провела двумя пальцами по ладони, словно по карте.

Ран получил вопрос.

Я кивнула. Она коснулась чашки, потом окна и дважды постучала по краю подноса. Полдень. Северная сторона. Второй удар.

— Где именно?

Женщина покачала головой и указала на себя: не знает. Потом на меня: увидишь.

В коридоре ждал Невер. После ночной миски он избегал смотреть мне в глаза и старательно изображал человека, которого невозможно отвлечь даже пожаром.

— Мне велено идти на Совет, — сказала я.

Он покосился на старое синее платье.

— Вам прислали другое.

— В этом я уже переводила.

Спорить с таким доводом он не решился. Двое стражников повели меня к парадной лестнице, однако у северной галереи путь перегородили носильщики с длинным ящиком. Над двором ударил колокол. Один раз.

Носильщики развернулись, ящик задел стену, стражники отступили. Из бокового прохода появился маршал Тарен.

— Совет перенесли в западный зал, — сказал он моим сопровождающим. — Ведите через нижнюю лестницу.

Они повернули. Тарен поймал мой взгляд и едва заметно качнул головой в сторону открытой двери.

Я уронила платок.

Пока один стражник нагибался, я шагнула вбок. Тарен закрыл меня плащом, провёл через дверь и сразу отпустил. За ней начиналась узкая лестница вниз.

— У вас пять минут, — сказал он.

— До чего?

— До того, как я найду ваш платок и очень удивлюсь исчезновению.

— Здесь Ран?

Маршал уже закрывал дверь.

— Он просил не вести вас к нему. Просил дать вам выбор: вернуться к страже или спуститься самой.

Дверь захлопнулась.

Внизу было темно. Я коснулась стены и медленно пошла, считая ступени. На двадцать седьмой увидела полоску света. Лестница вывела во внутренний двор северного створа.

Большая дверь занимала всю дальнюю стену. Её стекло было серым и неподвижным. По обе стороны стояли каменные будки караула, сейчас пустые. В центре двора лежала круглая площадка с медными линиями. Четыре линии сходились у двери, ещё шесть обрывались у стен.

Ран ждал не возле створа, а под навесом у водостока, откуда видел обе лестницы. Перед ним на козлах лежал свёрнутый лист. Рядом стояла Лиса.

Я подняла руки в приветствии и остановилась в нескольких шагах, чтобы он сам определил расстояние. Ран ответил коротко. Его движения были резче, чем вчера.

Лиса перевела голосом:

— Он спрашивает, кто ещё знает о встрече.

— Маршал. Женщина, передавшая знак. Возможно, Невер догадается.

Ран показал следующий вопрос.

— Что вы рассказали Тарену?

— Что видела малую дверь у канала и ищу Кора со старыми записями.

Ран замер. Я восприняла это как ожидание продолжения.

— Тарен сказал, что при авариях исчезали дома. Я не собираюсь открывать ничего, пока мы не разберёмся. Но в Нижнем Четверике сорок две семьи только в одном доме разделены створами. У складов застряли приезжие. Нам нужен путь, который не зависит от решения Севарда.

Ран всё ещё не двигался.

— Поэтому я попросила о встрече, — закончила я.

Он посмотрел на Лису. Та не переводила: мои слова он читал по губам там, где мог, остальное я сопровождала знакомыми жестами.

— Я говорю слишком быстро?

Ран покачал головой. Потом указал на свиток.

Я подошла, решив, что вопрос закрыт.

На листе была карта столицы. Я узнала дворец, каналы и четыре башни больших переходов. Нижний Четверик обозначался плотным серым пятном без внутренних улиц. Малая дверь у канала отсутствовала.

— Это официальная карта?

Ран кивнул.

Он положил сверху прозрачный тонкий лист, разрисованный коричневыми линиями. Теперь между кварталами появились десятки кружков. Один стоял точно на месте вчерашней башни.

— Старый план?

Нет. Ран показал: новый — составлен мной — по следам.

— Каким следам?

Он указал на медные линии под ногами. Шесть из десяти уходили в стены. На официальной карте были изображены только четыре, ведущие к большим провинциальным створам.

Ран достал кусок угля и провёл по прозрачному листу. Линия от северного двора уходила к каналу, раздваивалась у Нижнего Четверика, затем соединялась с тремя кружками за городской стеной. Другую он довёл до старого рынка. Третью — к холму, на котором карта не показывала ничего, кроме сада.

— Это дороги энергии? — спросила я и сразу поморщилась. Слово ничего не объясняло.

Ран поискал знак. Показал дверь, решение, оставленный след и камень, который долго хранит тепло после огня.

— Следы прежних открытий остаются в металле?

Он подтвердил. Затем поправил: не в любом металле, а в сплаве под мостовой. Медные жилы связывали створы. После открытия они на короткое время теплели. Картограф мог измерить направление, даже если саму дверь замуровали или убрали с нового плана.

— Сколько малых дверей в городе?

Ран поднял обе руки трижды, затем ещё семь пальцев.

Тридцать семь.

На прозрачном листе кружков было только двадцать девять.

— Остальные?

Не найдены.

— А за городом?

Он развернул второй лист. Империя оказалась похожа не на четыре области вокруг столицы, как на знаменах, а на разбитое зеркало. Большие дороги шли толстыми чёрными линиями. Между ними коричневой тушью Ран нанёс сотни коротких связей: деревня с пристанью, остров с соседним островом, два берега ущелья, степной колодец с зимним пастбищем.

В некоторых местах связи обрывались посреди белого поля.

— Официальная карта лжёт, — сказала я.

Ран резко ударил углём по краю листа.

Лиса заговорила прежде, чем он закончил:

— Карта не говорит. Лжёт тот, кто выбирает, что на ней оставить.

— Я это и имела в виду.

Ран ответил.

— Нет. Вы назвали его работу ложью, не спросив, почему она такая.

— Это вы составляли официальный план?

Да.

Мне стало неловко, но отступить в вежливость не хотелось.

— Тогда почему на нём нет дверей?

Ран показал на караульную будку, изобразил писца и печать Севарда. Каждый официальный экземпляр принимали только после проверки хранителя. Кружок малой двери требовал действующей печати, имени ответственного смотрителя и разрешённого расписания. Если одного не было, объект велели убрать как несуществующий.

— Но вы подчинились.

Он посмотрел прямо на меня.

— И сохранил второй слой.

Я осеклась.

Официальный план был не всей его работой. Это была поверхность, которую Севард согласился видеть. Под ней Ран годами собирал следы закрытых путей.

— Простите. Я сделала вывод раньше, чем спросила.

Ран свернул прозрачный лист наполовину, но не убрал. Извинение он принял кивком, не облегчая мне задачу улыбкой.

Над двором ударил второй колокол.

У нас оставалось мало времени. Я показала кружок у Нижнего Четверика.

— Здесь жила община. На камне выскоблена круглая печать. Можно узнать её рисунок по следу?

Ран написал углём на свободном краю: рисунок — нет; размер — да; сплав — иногда; последний владелец — в журнале Кора.

— Значит, Кор нужен нам обоим.

Ран не ответил.

Я продолжила:

— Тарен даст пять минут во дворе при смене караула. Завтра мы можем встретиться с Кором здесь. Лиса принесёт списки квартала, вы — карту, я поговорю со смотрителем. Согласны?

Ран смотрел на меня, потом на дверь в стене. Его руки оставались на свитке.

— Хорошо, — сказала я, принимая молчание за осторожное согласие. — Тогда завтра в полдень.

Он схватил меня за запястье.

Не больно, но так неожиданно, что я отдернула руку. Ран сразу отпустил и отступил на шаг. Поднял обе ладони: извинение за прикосновение. Потом показал медленно, чтобы я поняла без Лисы.

Я не сказал да.

— Вы не сказали нет.

Его лицо изменилось. Не гнев — что-то хуже, усталое узнавание.

Лиса выругалась вполголоса.

Ран повторил: молчание — не согласие.

Фраза не требовала перевода. Я сама произносила её десятки раз на обучении, в больницах, в разговорах с полицейскими и родственниками клиентов. Отсутствие отказа не означает согласия. Человек может не понять, испугаться, не успеть ответить. Или просто обдумывать вопрос.

Но стоило Рану замолчать, как я заполнила паузу удобным для себя решением.

— Вы правы.

Он ждал.

— Я приняла ваше молчание за согласие. Не имела права. Простите.

Ран показал ещё одну фразу.

— Вы сделали это вчера.

— Когда?

— На допросе. Я сказал, что общий враг не делает нас союзниками. Потом Севард дал вам печать. Вы решили, что я помогу искать Землю.

— Вы объясняли мне двери.

— Я выполнял приказ Совета.

— Но вы показали сроки ожидания.

— Показал. Это было моё решение. Оно не означало согласия на всё следующее.

Я вспомнила его неподвижность после предложения сотрудничать. Тогда мне тоже было проще считать, что он согласился, просто не хочет произносить это при Севарде.

— Дважды, — признала я.

Ран поднял три пальца.

— Когда третий раз?

Он указал на Лису.

Я попросила её передать ему приглашение, но сама определила цель встречи: малые двери и Кор. Я не спросила, хочет ли он вообще показывать мне карту.

— Трижды.

Лиса скрестила руки.

— Может, закончите считать и начнёте спрашивать?

Я повернулась к Рану, стараясь не говорить сразу. Сначала сформулировала вопрос в голове.

— Вы согласны работать со мной над гражданскими дорогами?

Ран ответил не сразу. Теперь я выдержала паузу.

Нет, показал он.

Отказ ударил сильнее, чем я ожидала. Я кивнула.

— Поняла.

Он продолжил.

Не на ваших условиях.

— Какие условия вы не принимаете?

Ран развернул карту и указал на несколько кружков. Затем показал людей, бегущих к двери, удар стекла и пустоту. Он не позволит превращать его работу в обещание открыть проходы. Не отдаст карту Тарену. Не придёт на встречу, назначенную маршалом в караульном дворе. И не станет искать дорогу Веры на Землю в обмен на её помощь городу.

Последнее было особенно важно. Он повторил: обмена нет.

— Я не предлагала обмен.

Ран указал на меня: пока. Потом на печать под платьем и воображаемые весы.

Он не обвинял меня в сделке. Он заранее ставил границу, чтобы мы оба не оказались в долгу, который один понимал иначе.

— Согласна, — сказала я и остановилась. — Нет. Это опять ответ за всё сразу. Давайте по пунктам.

Я загнула первый палец.

— Мы не обещаем людям открыть двери, пока не понимаем устройство и цену. Я согласна.

Второй.

— Карту не получает Тарен и никто из дворца без вашего отдельного решения. Согласна.

Третий.

— Место встречи с Кором выбираете вы и передаёте нам. Если встречи не хотите, говорите нет.

Четвёртый.

— Моя дорога на Землю не является платой за работу. Вы ничего мне не должны, я ничего не требую от вас за помощь городу.

Ран следил за каждым пунктом. Затем показал дополнение: не только он ничего мне не должен. Я тоже не должна оставаться здесь ради него, Лисы или ожидающих семей.

— Я пока не решила, оставаться ли. Но да: это будет отдельное решение.

Он кивнул.

— При этих условиях вы согласны исследовать гражданские дороги вместе?

На этот раз ответ был ясным.

Да.

Ран протянул руку, но не для рукопожатия. Ладонь была раскрыта вверх. Он ждал, пока я сама положу на неё пальцы. Когда я это сделала, он второй рукой показал знак союза: две линии идут рядом и могут разойтись.

Я повторила.

— Две линии рядом, — перевела Лиса. — Не одна держит другую.

Ран поправил положение моего мизинца. Я спросила взглядом, можно ли, прежде чем повторить движение на его руке. Он кивнул.

Колокол отзвучал. Со стороны коридора донеслись шаги.

Ран свернул прозрачные карты и спрятал их в полую перекладину козел. Официальный лист оставил сверху. Лиса схватила ведро у стены и начала протирать медные линии, словно пришла убирать двор.

Я направилась к лестнице, но Ран остановил жестом. Указал на северный створ, затем на пол под нашими ногами.

Медная линия, ведущая к двери, едва заметно потемнела.

— Она теплеет?

Ран присел и приложил ладонь. Я сделала то же. Металл был не горячим, но явно теплее камня.

Кто-то использовал связанную дверь.

Ран быстро достал из кармана маленький компас без стрелки. Внутри плавала капля красного масла. Она вытянулась к северо-востоку, задрожала и разделилась надвое.

Он нахмурился.

— Что это значит?

Два открытия одновременно. Одно — большое, разрешённое. Второе — малое.

— Где?

Ран приложил компас к трём линиям по очереди. Капля тянулась вдоль той, что на официальной карте обрывалась у стены. На скрытом слое она уходила за город, к значку без подписи.

— Малая дверь работает?

Не должна.

Шаги приближались. Ран написал на карте два числа: вчерашнее и сегодняшнее. Потом нарисовал короткую черту у северо-восточного кружка. След появлялся и вчера, во время церемонии Ильмы. Кто-то открывал малый проход каждый раз, когда внимание Севарда было приковано к большому створу.

— Контрабанда?

Возможно.

— Люди?

Неизвестно.

Лиса поставила ведро между нами.

— Если кто-то умеет открывать малую дверь, почему семьи сидят у складов?

Ран показал цену. Потом связку Севарда.

Возможно, тайный путь принадлежал самому хранителю.

Дверь с лестницы открылась. Во двор вошёл офицер северного караула и остановился, увидев нас троих.

— Что здесь происходит?

Лиса выпрямилась с тряпкой в руке.

— Картограф велел отмыть линии перед проверкой.

Офицер посмотрел на меня.

— А чужеземка моет двор?

— Чужеземка потерялась, — сказала я. — Совет перенесли, а ваши коридоры устроены хуже карты.

Ран стоял у официального плана. Я не знала, прочитал ли офицер наш разговор по губам, но на всякий случай заслонила цифры, написанные углём.

— Вас ищут, — сказал он. — Хранитель уже в западном зале.

— Тогда проводите.

Я сделала шаг и почувствовала пальцы Рана на рукаве. Он не удерживал, только привлёк внимание. Показал три движения: сегодня — не говорить — наблюдать.

— Вы просите меня молчать о следе?

Он покачал головой и повторил точнее: спрашиваю, согласны ли вы не говорить сегодня и наблюдать следующее открытие.

Я оценила разницу. Он не отдавал приказ и не считал союз уже данным на все решения.

— Да. Сегодня не говорю Севарду и Тарену о малом проходе. При следующем следе сначала встречаемся и решаем вместе.

Ран подтвердил.

— И вы сообщаете мне, если заметите открытие без меня?

Да.

Это был маленький договор, зато настоящий.

Офицер повёл меня к западной лестнице. На пороге я оглянулась. Ран уже стирал цифры с официальной карты. Лиса выжимала тряпку над ведром, и вода темнела от медной пыли.

В Совете меня усадили у дальней стены. За овальным столом спорили о речном хлебе. Севард предлагал открыть створ после письменного подтверждения Ильмы. Ильма требовала вернуть печать и допустить к проверке барж людей с обеих сторон. Советники обсуждали, кто будет отвечать, если вместе с зерном пройдут вооружённые лодочники.

Никто не говорил о сорока двух семьях в одном доме.

Никто не упоминал людей у складов.

На стене висела большая карта империи. Я уже знала, чего на ней нет. Белые промежутки между провинциями казались пустыми, хотя под ними скрывались деревни, мосты, пристани и створы. Карта не лгала сама. Она честно показывала решение человека, который приказал стереть дороги.

Севард заметил мой взгляд.

— Вы интересуетесь устройством империи?

— Пытаюсь понять, как люди ездили до больших переходов.

— Плохо. Медленно. Опасно.

— А до войны малых дверей не было?

В зале на миг стало тише.

Севард сложил руки на столе.

— Были местные створы без общего надзора. Через один из них началась резня в Западном Логге. Через другой вывезли казну речного наместника. Третий открылся внутрь жилого дома и унёс тридцать человек. Мы закрыли их ради безопасности.

Он говорил уверенно и, возможно, не лгал. Тарен тоже предупреждал об исчезнувших домах.

— Все тридцать семь в столице были опасны?

Севард медленно повернул голову.

— Кто назвал вам число?

Я почувствовала, как безымянная печать холодеет на груди.

Ошибка была простой. Ран доверил мне карту на условиях, которые мы только что говорили. Я едва не выдала его первой же точной цифрой.

— Я считала круглые углубления на старых стенах по дороге с площади, — сказала я.

— И насчитали тридцать семь?

— Я историк. Мы любим считать следы того, что власть решила забыть.

Несколько советников усмехнулись. Севард — нет.

— Вы заочная студентка, — напомнил он.

— Это не мешает складывать.

Он задержал на мне взгляд, затем вернулся к Ильме. Но я поняла: число нельзя было произносить. Теперь Севард знал, что я видела больше одной двери или говорила с тем, кто их искал.

Под столом я сжала пальцы в знак союза. Две линии рядом и могут разойтись. Ран имел право уйти, если моя поспешность сделает работу слишком опасной.

Именно поэтому я должна была рассказать ему об ошибке раньше, чем он узнает от другого.

Заседание тянулось до сумерек. В конце Совет разрешил осмотр семи барж, но не открыл створ: Севард потребовал сначала получить письменные списки команд. Ильма отказалась передавать имена без гарантии безопасности. Хлеб остался на речной стороне ещё на ночь.

Когда меня вернули в комнату, под чашкой лежала тонкая полоска карты. На ней была отмечена прачечная и время после последнего колокола. Рядом Ран нарисовал два знака: встреча — если согласна.

Не приказ. Не предположение.

Вопрос.

Я взяла уголёк и добавила знак согласия. Потом ниже написала число тридцать семь и перечеркнула его, чтобы не прятать ошибку.

Полоску передала женщине в сером платке.

Теперь карта между нами начиналась не с дверей.

Она начиналась с права каждого назвать собственное «да».

Глава 6. Три смысла приказа

После последнего колокола дворец не затихал. Он менял голос.

Днём по галереям ходили каблуки советников, звенели ножны и перекликались слуги. Ночью в стенах оставались вода, крысы и люди, которым полагалось делать вид, будто они тоже часть стены. Лиса шла впереди с корзиной мокрого белья. Я несла вторую и старалась не морщиться: простыни пахли щёлоком так сильно, что слезились глаза.

— Если спросят, куда несём, — шепнула она, не оборачиваясь, — в сушильню у старых кухонь.

— А сушильня там есть?

— Была до пожара.

— Удобно.

— Не очень. Теперь туда никто не носит бельё.

Она свернула под арку, где висела цепь без фонаря, и толкнула плечом низкую дверь. За ней оказался служебный двор. Над трубами поднимался пар, в окнах кухни двигались тени. Ран ждал между двумя телегами. На нём был серый рабочий плащ без картографической застёжки, волосы спрятаны под капюшон. Рядом стоял человек, которого я сначала приняла за возчика.

Он был невысок, сутул и держал левую руку прижатой к груди. Седая борода росла кло-
чьями, будто её много раз подпаливали. На поясе висела связка деревянных бирок, но ни одной печати.

Кор, догадалась я.

Ран увидел корзину в моих руках и показал вопрос.

— Нет, — ответила Лиса. — Она не украла всё дворцовое бельё. Только половину.

Я поставила корзину на землю и сразу показала Рану число тридцать семь, затем призна-
ние: сказала — Севард — ошибка — моя.

Он кивнул. Не отмахнулся и не стал утешать. Спросил, что именно ответил хранитель.

Я повторила разговор на Совете. Кор смотрел не на мои руки, а на лицо. Когда я дошла до вопроса Севарда об источнике числа, старик тихо присвистнул.

— Теперь он пересчитает тех, кто умеет читать жилы, — сказал он. — Таких во дворце семеро. Было восемь.

— Что случилось с восьмым?

— Я ушёл.

Кор произнёс это без гордости. Он взял одну бирку, повертел в пальцах и спрятал
обратно.

— Ран сказал, что вы вели журнал малых дверей.

— Вёл журналы северных грузовых створов. Малые попадали туда, когда их след прохо-
дил через наши жилы. Потом хранитель велел вынуть старые листы. Я вынул.

— И сохранили?

— Нет. Сжёг собственными руками.

Лиса перестала поправлять бельё. Ран не изменился в лице, но его плечи стали непо-
движными.

— Тогда зачем вы пришли? — спросила я.

Кор постучал пальцем по виску.

— Бумагу сжёг. Работу помню. Не всякий реестр пишут ради того, чтобы его потом
читали. Некоторые пишут, чтобы рука запомнила порядок.

Он достал из-за пазухи узкую медную пластину. На ней было девять круглых углублений
и тонкая дорожка царапин.

— Это не печать, — продолжил Кор. — Образец для проверки нажима. Молодой смотритель учился ставить знак ровно: не слабо, не так, чтобы треснуло стекло. У каждой общины был свой ритм нажима. Я могу показать размер и порядок касаний. Имя владельца не верну. Для этого нужны домашние записи.

Ран протянул ладонь, спрашивая разрешения взять пластину. Кор положил её ему на пальцы.

— Нам нужна не дверь, — сказала я. — Пока нет. Нам нужно понять запись расхождения. В зале Ильмы стекло показало три следа, но я не смогла их прочесть.

— Потому что смотрели с лица, — ответил Кор. — С лица дверь показывает, можно ли идти. Память читают с ребра.

Лиса выглянула за телегу.

— Во дворе нас найдут. И сушильня после пожара — плохая ложь, если караульный решит проводить.

Кор указал на ворота кухни.

— Старый мучной ход.

— Замурован, — сказала Лиса.

— Большой створ замурован. Грузовой рядом оставили. Через него выносят золу.

Она посмотрела на него с новым уважением.

Мы прошли кухню по одному. Лиса первой унесла корзины, ругая прачек за мокрые простыни так убедительно, что повар сам распахнул ей дверь. Кор проковылял следом с пустым мешком на плече. Я задержалась у стены, пока Ран не коснулся двух пальцев — пора.

За кухней начинался коридор, выложенный тёмным кирпичом. Жар печей остался позади. В конце пахло золой, сырой мукой и снегом. Большая арка действительно была заложена камнем, причём давно: в щелях успел вырасти белый мох. Справа от неё стояла низкая дверь, в которую телегу можно было вкатить только пригнув оглобли.

Створ состоял из двенадцати мутных стеклянных пластин в медной раме. На полу лежал круг для печати, на стене висела верёвка колокола. Всё было покрыто серой пылью, кроме нижнего края. Там виднелись свежие полосы от колёс.

— Им пользуются, — сказала я.

Кор провёл пальцем по следу.

— Золу вывозят обычными воротами. Здесь прошла узкая тележка. Сегодня или вчера.

Ран достал компас с красным маслом. Капля вытянулась к створу, но осталась цельной. Связанная дверь по ту сторону сейчас молчала.

— Куда он ведёт? — спросила Лиса.

Кор показал на заложённую арку.

— Раньше мучной обоз шёл к мельницам за восточной стеной. Большой ход принимал двадцать возов. Этот нужен был для гонца, проб муки и человека с дорожной книгой. Когда мельницы отдали казне, общинную печать забрали. Потом створ объявили глухим.

— Но следы колёс свежие.

— Глухая дверь и запёртая — не одно.

Ран осмотрел медную раму и нашёл у пола щель. Из неё вынул тонкую стеклянную полоску длиной с ладонь. Она казалась прозрачной, пока он не повернул её к свету. Внутри проступили три нити: синяя, янтарная и почти бесцветная.

Кор велел Лисе заслонить фонарь. Потом поставил полоску ребром на медную пластину. Нити превратились в короткие черты разной длины.

— Голос, рука, знак, — сказал он.

— Какая нить какая?

— Никакая.

Я решила, что ослышалась.

— Вы только что назвали три.

— Назвал то, что дверь сравнивает. Она не ставит подписи под нитями. Узнать можно проверкой.

Кор говорил так же, как Ран объяснял карту: предмет раньше вывода. Мне нравилось это больше придворных лекций Севарда, где вывод появлялся первым, а предмет обязан был под него подстроиться.

— Проведём проверку здесь?

— Если створ не совсем мёртв. Открывать не будем. Дадим ему решение, в котором одна часть отличается, и посмотрим, что останется.

— Чью печать использовать?

Все посмотрели на подвеску у меня на груди.

Я накрыла безымянный круг ладонью.

— Он уже откликнулся мне. Севард может почувствовать повтор?

Кор пожал плечами.

— Может. Может, нет. Старые знаки никому не рассказывают правил.

Ран показал: не обязательно сейчас.

Вопрос был обращён ко мне, а не к подвеске. После вчерашнего это имело вес.

— Если отложим, что изменится?

Кор загнул палец.

— Севард начнёт проверять картографов. Загнул второй. — След на северо-востоке может исчезнуть. Третий. — Хлеб останется за речной дверью, и завтра на рынке поднимут цену.

— А если сделаем?

— Он может заметить отклик. Створ может оказаться связан не с мельницей. Или запись покажет только то, что мы и так знаем.

Я сняла цепочку через голову.

— Проверяем один раз. Без шага в дверь. Если стекло начинает открываться, прекращаем.

Ран повторил условия и добавил своё: никто не касается печати без моего отдельного согласия; он наблюдает раму; Кор держит пластину; Лиса стоит у выхода.

Я согласилась. Кор — тоже. Лиса вздохнула.

— А я, значит, первая встречаю стражу корзиной?

— Можно не участвовать, — сказала я.

— Можно. Но тогда вы встретите её без корзины.

Она заняла место у коридора.

Кор выбрал простую фразу: «Проба возвращается на кухню». Такой приказ когда-то сопровождал мешочек муки. Он не требовал открыть путь для человека и не называл сторону назначения.

Местный жест для возвращения отличался от знакомого мне. Ладонь не шла к груди, как я ожидала, а описывала половину круга и останавливалась у плеча. Ран показал движение дважды. Я повторила. Он поправил высоту. Я спросила взглядом, верно ли теперь. Он подтвердил.

— Сначала всё одинаковое, — велел Кор. — Нам нужен чистый след.

Я встала в медный круг. Печать легла в круглое гнездо, слишком большое для неё, но край рамы засветился тусклым молочным светом.

Створ увидел знак.

Ран поднял руку. Кор произнёс фразу. Я одновременно передала её жестом и прижала печать.

Стекло дрогнуло. За ним на миг возникла кирпичная стена, только с другой кладкой и наледью в швах. Потом изображение исчезло. В нижнюю щель выползла прозрачная пластинка.

Ран сразу отступил от двери и показал: не открылась — ответила.

Кор поднял пластинку тканью. В ней была одна ровная серебристая линия.

— Совпало, — сказал он. — Все три выразили одно решение.

— Значит, нити слились.

— Или дверь не нашла различия. Это не одно и то же.

Я кивнула. Стекло не подтверждало истину. Только совпадение.

Для второй проверки Кор изменил голосовую фразу: «Проба остаётся у мельницы». Жест должен был по-прежнему сообщать о возвращении на кухню. Печать подтверждала прежний маршрут.

— Получается, вы солжёте голосом, — сказала Лиса.

— Нет, — возразил Кор. — Я произнесу другую команду. Ложью она станет, если выдам её за правую.

Это различие стоило запомнить. Дверь не знала, кто лжёт. Она знала, что решения разошлись.

Мы заняли места. Кор произнёс приказ об оставленной у мельницы пробе. Я показала возвращение на кухню. Печать холодила пальцы.

На этот раз створ не показал другую сторону. По стеклу прошла тёмная волна и собралась возле пола. Из щели выпала вторая пластинка.

В ней лежали серебристая и янтарная нити. На ребре янтарная черта уходила влево.

— Голос, — сказал Кор.

— Откуда вы знаете?

— Потому что меняли голос.

Ран взял уголь и нарисовал на стене три короткие линии. Первую отметил значком рта. Потом указал на третью проверку.

Теперь Кор снова говорил о возвращении на кухню, печать подтверждала тот же маршрут, а я должна была показать «оставить у мельницы».

Я повторила новый жест перед началом. Он состоял из удерживающей ладони и указания наружу. Ран остановил меня: моё указание получилось слишком широким и могло означать не место, а запрет приближаться. Он показал разницу. Несколько пальцев, два разных приказа.

Я попробовала ещё раз.

— Вот теперь «оставить»?

Да.

Мы провели третью проверку. Стекло отозвалось быстрее. В пластинке снова было две нити, но теперь в сторону уходила синяя.

Ран отметил вторую линию значком руки.

Я ждала четвёртой проверки, но Кор не двигался.

— Осталась печать, — сказала я.

— А как заставить печать выразить другое решение? — спросил он.

Я посмотрела на безымянный круг. До сих пор считала его ключом: приложи — получишь отклик. Но если личный знак был третьей частью решения, он должен был сообщать нечто большее, чем присутствие владельца.

— Место нажима?

Кор покачал головой.

Ран показал два одинаковых знака, затем разных людей.

— Владелец?

Да, но не только.

Кор положил медный образец рядом с гнездом.

— Печать выражает: «это моё решение, и я отвечаю за него здесь». Чужой знак может совпасть рисунком, но не ответственностью. Поэтому рука Севарда разошлась с печатью Ильмы.

— Тогда нельзя безопасно изменить только третью часть. Для этого понадобится чужая печать.

— Или её отсутствие.

Кор попросил меня держать безымянный круг над гнездом, не касаясь стекла. Голос и жест снова совпали: проба возвращается на кухню.

Створ погас. Из щели вышла третья пластинка, почти чёрная у края. На просвет в ней виднелись две серебристые нити и пустота между ними.

Ран отметил третью линию значком круга.

— Отсутствие печати тоже записалось, — сказала я.

— Не как отказ, — предупредил Кор. — Как незавершённое решение. Если человек хотел отказаться и не приложил знак, стекло этого не докажет. Оно докажет только, что третьей части не было.

Я взяла три пластинки и расположила их на ладони. Голос отклонялся влево. Жест — вправо. Отсутствие печати оставляло тёмный промежуток. Теперь запись из зала Ильмы можно было прочитать сравнением.

— Нужна та пластина, которую забрал Севард.

Ран показал: или другая запись того же приказа.

— Стекло хранит копию в раме?

Кор покачал головой.

— Каждый связанный створ пишет свой край решения. В речной двери должна быть вторая пластина. Если Ильма её получила, у нас будет независимая запись.

— Она стоит по другую сторону закрытого прохода.

— Зато мы теперь знаем, что просить у неё, когда откроют для осмотра барж.

В коридоре звякнуло ведро.

Лиса подняла кулак. Тишина.

За дверью кто-то тащил тележку. Колёса скребли кирпич, останавливаясь у каждого шва. Мы погасили фонарь. Кор собрал пластинки, но Ран удержал его руку и показал вопрос: куда спрятать так, чтобы один человек не мог забрать всё.

Я предложила разделить. Пластинку голоса взял Кор, жеста — Ран, отсутствующей печати — я. Схему соответствий Лиса запомнила, но не понесла ничего.

Тележка остановилась за поворотом.

— Здесь есть кто? — крикнул мужчина.

Лиса схватила мешок золы, высыпала половину на пол и ответила таким потоком ругани, что я разобрала только слова «повар», «совесть» и «сама тащи». Мужчина что-то буркнул. Колёса покатились обратно.

Мы не зажигали фонарь ещё минуту. В темноте моя печать стала тёплой.

Сначала я решила, что она нагрелась от ладони. Затем медная рама грузового створа вспыхнула тонкой линией. Красный компас у Рана вытянулся к двери.

Кто-то открывал связанный проход.

Не наш створ: мы молчали, не делали жестов и не касались гнезда. Открытие шло с другой стороны.

Стекло посветлело. За ним проступила заснеженная площадка и колесо узкой телеги. Человек в меховом плаще тянул её к нам. Лица не было видно. На телеге лежали длинные деревянные ящики.

Кор прижал палец к губам. Ран показал: назад.

Мы отступили за заложенную арку. Лиса осталась возле корзин, изображая работу. Створ не открылся полностью, но внизу возникла щель высотой в ладонь. Из неё выкатился плоский футляр. Человек по ту сторону толкнул его шестом, дождался, пока щель закроется, и увёз телегу.

Лиса подняла футляр. На крышке стоял знак дворцовой кладовой.

— Откроем? — спросила она.

Ран показал: сначала след.

В нижней щели появилась новая пластинка.

Кор поставил её ребром на медный образец. Мы увидели три нити. Две сливались почти по всей длине. Третья отходила лишь у самого конца и возвращалась обратно.

— Что это значит? — спросила я.

Кор долго молчал.

— Приказ совпал в начале и разошёлся в назначении. Голос и жест могли сказать: «доставить во дворец». Печать — «доставить хранителю». Или наоборот. Без контрольного приказа не узнаем.

Ран указал на футляр, потом на меня: решение?

Открыть было соблазнительно. Если там лежали украденные печати или списки, мы получили бы доказательство пути Севарда. Но футляр мог быть ловушкой. И даже если нет, вскрытая крышка предупредит отправителя.

— Не открывать здесь, — сказала я. — Запомним вес и размер. Лиса передаст футляр туда, куда его обычно несут. Ран проследит маршрут только если сам согласен и сможет уйти. Кор заберёт свежую пластинку.

Ран поднял ладонь: не согласен с последним.

Я остановилась.

Он показал на Кора, затем на уже спрятанный след голоса. Две записи у одного человека нарушали наш же решение.

— Верно. Тогда свежую беру я, а пластинку отсутствующей печати отдаю Лисе.

Лиса покачала головой.

— Я должна нести футляр. Если меня обыщут, найдут оба.

В конце концов пластинку отсутствия Кор спрятал в щель заложенной арки под третьим камнем снизу. Свежую запись я вложила за подкладку рукава. Это не делало нас неуязвимыми. Только не позволяло одному обыску уничтожить всю проверку.

Лиса взвесила футляр на руках.

— Как три толстые книги.

Кор потряс его возле уха.

— Пластины. Много.

— Записи расхождений?

— Или чистое стекло.

На крышке не было имени получателя. Только кладовая и отметка ночной доставки. Лиса вытерла футляр краем простыни, оставив пыль в углублениях замка такой, какой нашла.

— Я знаю мальчишку, который носит коробки из кухни в северную канцелярию, — сказала она. — Подложу к утренним. Если за ним придёт особый человек, прачки увидят.

— Не проси ребёнка рисковать.

— Не попрошу. Он понесёт обычную стопку и не будет знать, что одна коробка пришла через дверь.

Ран уточнил маршрут, время и место, где можно наблюдать. Они с Лисой спорили жестами быстро; я понимала половину. Но теперь не вставляла догадки в промежутки. Когда мне требовалось знать, я просила повторить.

Кор тем временем провёл ногтем по пустому гнезду.

— Безымянный знак ответил этому створу, — сказал он. — Значит, двести семьдесят лет назад его владелец имел право на мучную дорогу.

— Можно узнать кто?

— По старым книгам общин. Если Севард их не сжёг.

— Или по домашним записям, — напомнила я.

Кор кивнул.

Впервые моя печать стала не только приманкой обещанного земного пути. У неё была история здесь: чей-то хлеб, чья-то мера муки, чьё-то право отвечать за доставку. Возможно, она принадлежала человеку, который никогда не видел Землю.

Это не отменяло вокзал за большой дверью. Но делало слова Севарда о безымянном ключе удобной половиной правды.

Перед уходом мы повторили то, что узнали, каждый своим способом. Кор назвал вслух: стекло отмечает расхождение, а не ложь; нити можно сопоставить только контрольной проверкой; отсутствие печати означает незавершённость, но не отказ. Ран показал те же три положения руками. Я записала их на обороте обрывка кухонного счёта простыми словами. Лиса заставила меня сжечь бумагу после того, как запомнила.

— Значит, доказательство у нас есть? — спросила она.

— Способ читать доказательство, — ответила я. — Это меньше.

Кор усмехнулся.

— И больше. Пластину можно отнять. Умение сравнивать придётся отнимать у каждого отдельно.

Мы вышли разными путями. Кор ушёл через зольный двор. Ран остался следить за кухонным мальчишкой, предварительно показав мне ясное «да». Лиса понесла футляр под мокрыми простынями.

Я вернулась в комнату перед рассветом. На столе лежала записка от Совета: утром мне надлежало сопровождать осмотр речных барж.

Ниже рукой Севарда было приписано: «Для точного подтверждения трёх частей приказа».

Я вынула из рукава свежую пластинку. Третья нить отходила у самого назначения и снова соединялась с двумя другими. Ночной груз шёл во дворец по решению, которое кто-то изменил только в последнем слове.

Севард знал, что утром я буду смотреть на три части приказа.

Он пока не знал, что теперь я умела различать их следы.

Глава 7. Хлеб за закрытой дверью

У северного створа пахло свежим хлебом.

Запах шёл не с речной стороны. Дворцовые пекари вынесли к караулу плетёные корзины, и стражники ели на ходу, ломая ещё тёплые буханки пополам. За оградой стояла очередь. Люди смотрели не на дверь, а на крошки, падавшие в снег.

Мне выдали белую перевязь свидетеля и велели держаться рядом с Севардом. Сам он пришёл в дорожном плаще, с футляром печатей на груди. Ночной футляр из мучного прохода был вдвое шире и носил знак кладовой. Я искала его среди вещей писцов, но видела только книги учёта и коробки с чистым стеклом.

Ран стоял у противоположной стены с доской картографа. Он не посмотрел на меня. Так было условлено: после ночи никто не должен был видеть в нас союзников.

Маршал Тарен привёл двадцать солдат без копий. Их мечи оставались в ножнах, зато на поясах висели крюки для досмотра груза. Совет называл это мирным осмотром.

— Семь барж, — сказал Тарен. — По пять человек с каждой. Лодочники остаются на судах. Сюда проходят только представители наместницы и счётчики.

— И списки команд, — добавил Севард.

— Ильма отказалась отдавать имена до открытия.

— Тогда створ не откроется.

Он произнёс это достаточно громко, чтобы услышала очередь.

Женщина за оградой подняла пустую хлебную карточку.

— Вчера обещали осмотр!

Стражник потребовал тишины. Люди заговорили громче.

Я увидела Лису возле крайней колонны. На ней был серый платок, а в руках — корзина с полотенцами. Она показала у бедра: футляр ушёл в северную канцелярию; забрал человек Севарда; Ран видел.

Значит, ночные пластины доставляли хранителю.

Севард подошёл к стеклу. По ту сторону проступила Ильма. За её спиной белело замёрзшее русло и темнели высокие борта барж. Мешки с зерном лежали под навесами до самого поворота реки.

Ильма подняла руку. Сигнальщики у стекла приготовились передавать её жесты голосом.

— Семь барж готовы к осмотру, — сказала она. — На столичную сторону проходят двадцать речных счётчиков и пятнадцать выборных лодочников. Оружие остаётся на судах. Имена хранятся у меня и будут предъявлены судье, если совершено преступление.

Толмач Севарда передал иначе:

— Имена будут сообщены хранителю после прохода.

Я заметила подмену сразу. Ильма назвала судью и условие — совершённое преступление. Толмач превратил это в обещание Севарду.

— Жест не совпал, — сказала я.

Севард не обернулся.

— Для того вы здесь. Дайте точный вариант.

Я перевела слова Ильмы вслух. Очередь услышала разницу. Толмач покраснел.

— Речной знак суда похож на знак хранителя, — оправдался он.

— Похож, но после него она показала «если» и «вина». Вы пропустили оба.

Севард поднял ладонь, прекращая спор.

— Наместница предлагает безымянным людям войти в столицу и обещает назвать их лишь после беды. Я не могу принять такую ответственность.

Ильма прочитала его по губам или получила перевод сигнальщика.

— Ответственность предлагаю разделить, — передали её руки. — Ваши люди осматривают баржи там. Мои — здесь. Груз опечатываем двумя знаками. В столицу идут мешки, не команды.

Это было разумно. Настолько разумно, что я заранее ждала отказа.

Севард достал из футляра речную печать.

— Есть другое условие. Речные земли передают столице три сторожевых причала до конца зимы. На них встанут имперские отряды, которые обеспечат безопасность поставок. После подписи мы открываем створ для зерна.

Тарен повернулся к нему.

— Совет не утверждал размещение отрядов.

— Совет поручил мне обеспечить проход без угрозы столице.

— Причалы стоят выше переправ. Кто держит их, тот закрывает реку.

— Поэтому они не должны оставаться в руках людей, отказавшихся назвать команды.

За стеклом Ильма опустила руки. На мгновение она была просто уставшей женщиной в промокшем плаще. Потом выпрямилась.

— Это не осмотр, — передала она. — Это обмен хлеба столицы на мою границу.

— Это гарантия, — ответил Севард.

— Гарантия чего?

— Что речные отряды не ударят, когда створ откроется.

— Мои отряды стоят в трёх днях пути от барж. Ваши солдаты уже у двери.

Люди в очереди начали кричать. Кто-то требовал открыть. Кто-то называл Ильму убийцей столицы. Мужчина у ограды швырнул в стекло деревянную карточку. Она отскочила и упала рядом с сапогом Севарда.

Хранитель поднял её.

— Вот что делает неопределённость, — сказал он мне. — Один неверный жест, одно неуказанное имя, и толпа ищет виновного. Единый порядок существует не ради моей власти.

— Но причалы вы потребовали ради неё.

— Ради возможности отвечать за реку.

Я вспомнила слова Кора: печать означает «это моё решение, и я отвечаю за него здесь». Севард собирал не только знаки. Он собирал право называться единственным ответственным, а потом требовал новые земли, потому что ответственность уже лежала на нём.

— Пусть Ильма приложит свою печать на своей стороне, — сказала я. — Вы — столичную здесь. Один приказ: семь барж проходят без людей после двойного осмотра. Каждый отвечает за свою сторону.

— У империи не может быть двух решений об одной двери.

— Тогда три части нужны не для согласия. Они нужны, чтобы всё сходилось с вами.

Севард посмотрел на меня спокойно.

— Вы провели здесь меньше недели и уже решили устройство страны, пережившей войну.

— Нет. Я решила только, что хлеб не должен покупать вам причалы.

Тарен встал между нами прежде, чем стража успела сдвинуться.

— Наместница ждёт ответа.

Севард повернулся к стеклу.

— Три причала под совместную охрану. Командиры назначаются Советом. Тогда открываем.

Ильма отказалась.

Створ потемнел.

Очередь не расходилась. Советский писец вышел на ступени с новым объявлением. С сегодняшнего дня каждая пекарня получала две трети обычной муки. Продажу ограничивали

одной буханкой на человека. Дворцовая стража, больницы и казармы снабжались по прежней норме.

— Почему казармы по прежней? — крикнула женщина с карточкой.

Писец продолжал читать, будто вопроса не было.

Я смотрела на корзины у караула. Стражники доедали вторую буханку.

Севард велел готовить повторный сеанс к вечеру и ушёл. Речную печать он унёс с собой.

Тарен задержался.

— Если Совет не утверждал условие, вы можете остановить его? — спросила я.

— Могу потребовать голосования.

— Потребуйте.

— К вечеру. А люди захотят есть до вечера.

— Тогда откройте створ как маршал.

Он посмотрел на дверь.

— Моя печать отвечает за войска, не за дороги. Если приложу её к грузовому приказу, получим расхождение.

— И запись, что вы пытались пропустить хлеб.

— А створ останется закрытым. Записью суп не сварить.

Он поднял с земли карточку и отдал женщине за оградой.

Ран свернул карту и направился к западному выходу. Я пошла не за ним, а к писцам. На столе лежали списки нормирования по кварталам. Нижнему Четверику полагалось меньше, чем дворцовому округу, хотя жителей там было больше.

— На каком основании рассчитаны доли? — спросила я.

Молодой писец прикрыл лист рукой.

— По числу зарегистрированных очагов.

— В одном доме Четверика семьдесят одна семья. Сколько очагов в вашем списке?

Он нашёл строку.

— Двадцать четыре.

— Остальные не существуют?

— Они снимают комнаты без регистрации или прибыли после закрытия створов.

— Но едят вполне зарегистрированными ртами.

Писец поморщился.

— Я не устанавливаю порядок.

— Кто установил?

Он указал на печать внизу листа. Знак хлебной палаты был перечёркнут тонкой линией хранителя.

Я наклонилась ближе. Возле печати лежала прозрачная пластинка, уже исписанная датой. В ней виднелись три ровные нити.

— Это запись решения о нормах?

— Подтверждение, что объявление прочитано точно.

— Кем поставлена печать?

— Начальником палаты.

— Он здесь?

— Нет. Заболел.

— Кто приложил её?

Писец отступил.

Я получила ответ раньше слов.

— Севард?

— Хранитель имеет право действовать при отсутствии главы ведомства.

Три нити совпали. Голос, жест и чужая печать выразили одно решение. Стекло не считало это ложью. Оно не знало, добровольно ли начальник хлебной палаты отдал знак и видел ли расчёт.

Наше открытие было полезно, но не чудесно. Нельзя было приложить пластинку ко злу и ждать, что она покраснеет.

Я переписала числа на ладонь угольком: дворец — полная норма, Четверик — двадцать четыре очага вместо семидесяти одного. Писец попытался позвать стражу, но Тарен ещё стоял неподалёку.

— Она свидетель Совета, — сказал маршал. — Если таблица законна, ей нечего скрывать.

— В объявлении нет таблицы.

— Теперь будет.

Он забрал лист и велел переписать в трёх экземплярах для площади.

Это не открыло дверь. Но к полудню люди знали, кому оставили хлеб, а кого вычеркнули из числа едоков.

Лиса нашла меня в коридоре у кухни. На этот раз в корзине действительно лежали полотенца.

— Футляр отнесли в кабинет Севарда, — сказала она тихо. — Потом вынесли пустым.

— Пластины остались у него?

— Ран видел, как писарь нёс стопку в зал записей. На каждой красная метка.

— Он смог прочитать?

— Только даты. Все за последний месяц.

Месяц тайных доставок через закрытый мучной створ. Возможно, больше.

— Ран где?

— Не пришёл. Передал вопрос: согласна ли ты встретиться после вечернего открытия у прачечной.

— Да.

Я показала согласие, чтобы она передала точно.

Лиса заметила числа на моей ладони.

— Двадцать четыре — это что?

— Столько очагов дворец признаёт в доме, где живёт семьдесят одна семья.

Она молча взяла меня за запястье и прочитала остальное.

— Нам дадут треть нужного.

— Меньше. Две трети от нормы для двадцати четырёх очагов.

— Тогда сегодня вечером начнут ломать двери пекарен.

— Можно распределить иначе?

— Можно, если достать муку.

— На речной стороне стоят семь барж.

— На этой стороне есть дворцовые склады.

Я посмотрела в сторону кухни. Утром стража получила полный паёк не из воздуха. Столица ещё не голодала. Севард превращал будущую нехватку в немедленное подчинение.

— Где склады?

— Три у казарм, два под дворцом, один у северной стены. Не думай о краже. После неё он поставит солдат в Четверике и назовёт это защитой запасов.

— Я думаю об учёте.

Лиса улыбнулась без веселья.

— Учёт пугает кладовщика сильнее кражи, если ворует он сам.

Мы договорились, что прачки соберут сведения: сколько мешков привозили в кухни, сколько хлеба получают караулы, сколько муки отпустили пекарням. Не имена — числа. Та же сеть, которая считала разделённые семьи, могла считать хлеб.

К вечернему открытию площадь заполнилась плотнее. Люди принесли копии таблицы норм. На ограде висел лист: «Дворец ест полностью. Четверик — на четверых из двенадцати». Писцы срывали его, появлялся новый.

Севард пришёл с шестью членами Совета. Голосование, которого потребовал Тарен, закончилось ничем: трое поддержали открытие без причалов, трое — условия хранителя. Решающий советник не явился.

— Заболел? — спросила я.

Тарен мрачно кивнул.

Второй за день больной человек, чья печать продолжала работать без него.

Ильма появилась за стеклом. Рядом с ней стояли трое речников и девушка-сигнальщица. Наместница показала небольшую прозрачную пластину.

У меня перехватило дыхание.

Независимая запись утреннего приказа.

Она прижала пластину к стеклу. Ран поднял доску картографа, прикрывая её от бокового света, и наклонил голову. Я следила за его руками.

Голос — совпадает. Жест — совпадает. Печать — другая ответственность.

Ильма приложила собственную печать на своей стороне. Севард — её же знак своей рукой здесь. Рисунок был одинаковым, но стекло различило владельца решения.

Ран поднял три пальца, затем развёл третий.

Толпа увидела.

Севард тоже.

— Картограф ошибается, — сказал он. — Платину нельзя читать без подготовки.

— Тогда объясните сами, — предложила я.

Он велел убрать Рана от створа.

Тарен не двинул солдат.

— Картограф назначен Советом, — сказал маршал. — Пока Совет не отзовёт его, он остаётся.

Ильма повторила приказ о семи баржах и двойном осмотре. Севард поднял речную печать.

— Три причала под совместную охрану, — произнёс он.

Его толмач показал не совместную охрану. Он показал передачу причалов столице.

Я увидела разницу. Ран тоже. Ильма резко указала на руки толмача.

Створ потемнел и выбросил две пластинки — по одной на каждую сторону.

Севард наклонился, но Тарен наступил на ближнюю раньше него.

— Запись решения Совета, — сказал маршал. — Она будет храниться у Совета.

— Уберите ногу.

— После того как свидетель прочитает.

Я опустила на колено. Смотреть с лица было бесполезно. Я подняла пластинку за край и повернула к фонарю. Три нити расходились: одна у слова об охране, вторая у направления передачи, третья — у владельца печати.

— Все три части означают разное, — сказала я. — Голос требует совместной охраны. Жест — отдать причалы столице. Печать принадлежит Ильме, но приложена не ею.

— Стекло не говорит словами, — возразил Севард.

— Верно. Поэтому каждый вывод можно проверить контрольным сравнением.

Я не достала наши пластинки. Пока нельзя. Но Ран нарисовал на доске три опыта: изменённый голос, изменённая рука, отсутствующий знак. Простые линии были понятны даже тем, кто не знал местного жестового языка.

Ильма по ту сторону подняла свою запись. Её третья нить шла ровно. Печать была приложена владелицей. Голос и жест расходились так же, как у нас.

Две двери записали одну подмену с разных сторон.

Люди у ограды перестали кричать. Тишина оказалась страшнее.

Севард медленно снял перчатки.

— Допустим, толмач ошибся. Это не меняет угрозы барж.

— Меняет цену вашего слова, — сказала Ильма руками.

Сигнальщица перевела вслух.

Наместница отдала новый приказ: до полуночи одну баржу разгрузят на речной стороне и передадут мешки через дверь малыми партиями, если столица приложит собственную печать и откажется от причалов. Люди не проходят. Осмотр проводят перед стеклом.

Тарен снял с пояса маршалский знак.

— Я отвечу за столичную сторону.

Севард повернулся к нему.

— Ваша печать военная.

— Мешки идут под охраной. Военная ответственность достаточна для приёма груза.

— Решать будет Совет.

— Совет разделится. Город не обязан голодать до выздоровления человека, чью печать вы используете без него.

Стражники вокруг двери напряглись. На миг я подумала, что Севард прикажет арестовать маршала. Но площадь видела слишком много, а за стеклом Ильма держала пластину над головой.

Хранитель убрал речную печать в футляр.

— Одна баржа, — сказал он. — Малые партии. Каждая проверяется отдельно. Причалы обсуждаются завтра.

Это не было победой. Шесть барж оставались за дверью. Условие не исчезло, только отступило на день.

Но створ засветился.

Ильма произнесла приказ. Её жест совпал со словами. Она приложила собственную печать. Тарен на нашей стороне подтвердил приём и приложил свою. Стекло долго сравнивало два решения, затем показало речной берег.

Первый мешок прошёл без лодочника. Потом второй.

Очередь вздохнула одним телом.

До полуночи мы приняли сто двадцать мешков. Этого не хватало столице даже на день, но хватило, чтобы утром открыть пекарни Четверика. Лиса стояла у весов и записывала каждый мешок. Ран отмечал время проходов. Тарен менял караул, не позволяя одному отряду остаться у груза надолго.

Севард наблюдал до последнего. Перед уходом он остановился рядом со мной.

— Вы думаете, что научились читать двери.

— Я научилась видеть расхождения.

— Самое опасное расхождение — между правильным решением и тем, что нравится площади.

— А кто проверяет ваше правильное решение?

— Последствия.

Он посмотрел на мешки.

— Завтра речники потребуют больше. Послезавтра степь узнает, что столица уступает толпе. Через неделю каждая провинция принесёт свой жест, свою печать и свою правду. Тогда вспомните этот разговор.

— Я запомню. Но сегодня хлеб прошёл без причалов и без списка имён.

Севард ушёл.

У прачечной Ран ждал меня с кусочком угля. На стене он нарисовал ночной футляр, дверь и стопку пластин. Потом добавил человека с перевязью писаря и знак северо-восточного пути.

— Писарь отнёс записи обратно? — спросила я.

Ран подтвердил. Ночью футляр снова уйдёт через мучной створ.

— Значит, Севард хранит архив не во дворце.

Да.

— Проследить по ту сторону мы не можем.

Ран указал на карту и кружок северо-восточнее стены. Затем написал одно имя.

Кор.

Бывший смотритель помнил журнал и направление жилы. Он мог знать, какая дверь принимает архив.

Я показала вопрос: согласен ли Ран искать вместе со мной.

Он ответил да, потом добавил условие: сначала хлеб, потом след. Нельзя бросать распределение мешков ради погони за доказательствами.

Я согласилась.

На площади люди уже делили первые буханки. Дворец признал двадцать четыре очага, но прачки составили список на семьдесят одну семью. Каждой доставалась не буханка — несколько ломтей. Лиса резала хлеб на доске одинаковыми кусками. Никто не называл это достаточным.

Закрытая дверь оставалась между столицей и шестью баржами.

Но теперь у нас были две вещи, которых утром не было: хлеб на этой стороне и запись, увиденная всей площадью.

Севард мог удерживать створ.

Он больше не мог один решать, что именно показало стекло.

Глава 8. Человек, который помнит проходы

Утром хлеб пах сильнее, чем обычно пахнет хлеб.

Запах тянулся из пекарни Нижнего Четверика через два двора, поднимался по сырой лестнице и заставлял людей останавливаться у окон. За ночь муку из ста двадцати мешков успели развезти по шести печам. Лиса настояла, чтобы у каждой двери висели два счёта: сколько муки вошло и сколько буханок вышло. Рядом стояли прачки с грифельными дощечками. Они не охраняли хлеб. Они охраняли числа.

Мне выдали ломоть толщиной в палец и кружку горячей воды с сушёной мятой. Я ела на ходу. Ран ждал у стены старого красильного двора, где вчерашний дождь оставил в канавах синюю воду. На его карте северо-восточная жила была продолжена за городской стеной тонкой угольной чертой. Рядом он нарисовал три вопросительных знака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.